ИРМАТА АРЬЯР
МЕЧТА
НЕКРОМАНТКИ

Ирмата Арьяр
Мечта некромантки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70056889
SelfPub; 2023

Аннотация

Дарайна днем – приличная девушка и учится играть на скрипке. А ночью… она, дочь черного мага, постигает искусство некромантии, вопреки запрету отца на магию. Но вся ее жизнь переворачивается с ног на голову, когда с того света на этот бежит преступник – маг, что может красть чужие лица. Их пути случайно пересекаются, и на кону оказывается жизнь близкого человека, великая любовь и солидный денежный куш. Сможет ли Дарайна справиться со всеми вызовами? Это будет борьба, в которой переплетутся дружба и предательство, любовь и слезы, жизнь… и смерть.

Содержание

Глава 1, в которой потомственная некромантка и начинающая скрипачка Дарайна встречается со злейшим врагом человечества 4
Глава 2, в которой выясняется, что всему миру в целом и нашей Даре в частности угрожают все силы ада 22
Глава 3, в которой на далеком острове Чеврабин появляется танцующий маг, способный зачаровать даже суровых чеврабинцев 40
Глава 4, где старый и малый отправляются в далекое путешествие 69
Глава 5, в которой Дара попадает в болото и становится свидетелем на самой странной свадьбе 92
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Ирмата Арьяр
Мечта некромантки

Глава 1, в которой потомственная некромантка и начинающая скрипачка Дарайна встречается со злейшим врагом человечества

Демон, возвышавшийся в центре вмурованного в пол бронзового пентакля, величественно повернул рогатую голову, обжег фиолетово-багровыми глазищами на скуластом лице.

До чего же хорош! Рога мощные, витые, спереди – словно корона. А из-под рогатой короны – волосы шикарные, густые, до узкой талии спускаются, как черный водопад шелка. И такая же пышная и шелковистая кисточка на хвосте.

Я стояла несколько мгновений и облизывала такую красоту взглядом, наслаждаясь, как темно-синяя кожа демона переливается при малейшем движении, словно поток воды.

И как жаль, что видны только когтистые руки, широченные мускулистые плечи и шея, остальное упаковано в дымчатую броню. Хочу всё целиком лицезреть. И чтоб крылья,

горбом сложенные за спиной, распахнул – интересно же, какой они формы!

***

Полчаса назад

– Дара! – содрогнулся дом, как от грома.

Знакомьтесь, это папа. Проснулся, наконец. Десять вечера, солнце давно зашло, пора бы.

Вот только требовательные интонации в его голосе мне сегодня не нравятся. Таким тоном он обычно демонов призывает, а не родную дочь.

Уж не гости ли у него опять?

Ненавижу, когда он пьет ночами с демонами и утром мучительно ищет шестой угол в пентаграмме. И зовет меня – отправить его собутыльников к чертям вместе с пустой стеклотарой (их термин, они ее там куда-то сдают, говорят), рыбьими костями, металлическими банками из-под пенистого эля.

Стащила я как-то непочатую банку на пробу – гадость несусветная этот ваш эль! Напоила им нашего волкодава. Пришлось труп поднимать.

Папик до сих пор не догадался, что наш пес давно дохлый – лает Ральт исправно, кошек гоняет, дом сторожит. А что шерсть вылазит, устала подклеивать, и пованивает от него… так не надо кормить порядочное животное всякой дрянью,

проскакивающей в щели контура, незамкнутого по причине дрожания папенькиных рук. Не всегда он меня зовет на подмогу – стыдно ему передо мной, видите ли.

И правильно стыдится: еще не хватало мне самой его лохудр-демониц выпроваживать. С тех пор, как маменька померла, спасу от них нет – лезут и лезут.

С одной стороны, я их понимаю: отставной черный маг его величества – еще видный мужчина. Рост и стать богатырские, лицо волевое, волосы темно-русые, глаза – как два аквамарина и брови вразлет. А загар с красноватым оттенком адского пламени – просто загляденье.

Я не в него пошла, жаль, а уродилась в колдунью-маменьку – невысокую и белокожую, с глазами как спелые вишни сорта «Кровавый шабаш в темную ночь». И волосья у меня не пойми какие – пегие, выгоревшие, а то и подпаленные жаром Преисподней. Тоже опыты ставлю, пока папик со своими приятелями чудит, как сегодня ночью: дымище багровый расползся по башне и до сих пор не выветрился.

Все остальное время, кроме ночи и раннего утра, папик на высоте: нет на свете веселее человека, чем некромант. Правда, юмор у него черный, как считает наш утонченный маэстро.

– Дарайна! – снова сотряслась наша башня, служившая нам домом. – У нас гости!

Так и знала! И явно не простые, особенные. Ворота давно закрыты, никто не стучал бронзовым молотком, в колоколь-

чик не звонил. А значит, с Той стороны явились. Терпеть не могу его рогатых приятелей!

– Нам закуси какой-нибудь сообрази! – донеслось сверху.

Начинается! Соображу, дело не хитрое, не на скрипке играть и заклинания семиэтажные на одном дыхании произносить.

Шмыгнула на кухню, схватила поднос, быстренько собрала блюдо с маринованными мухоморчиками и поганками. Да еще выложила полукругом ломтики вяленой гадюки, и в центр водрузила плошку солёной жабьей икры.. Пусть его рогатые подавятся.

Эти милые деликатесы к нам в дом соседка-ведьма таскает, тоже папенькина воздыхательница. Уродина. Нос крючком, губа до пояса. Жуть.

А на другую тарелочку мы положим… А где сушеные мышиные хвостики к элю? Недавно же целая связка у очага висела! Неужели бесёнок какой стибрил? Можно, конечно, у соседки купить, но как же не хочется к ведьме на поклон идти. Обойдутся.

Папику – отдельная тарелка с человеческой едой. Солёные огурчики с ломтиками чесночной колбасы и кольцами сладкого лука, помидорчики, тоже обязательно с чесночком, капуста квашеная с клюквой и анисом – демоны этого на дух не переносят. Мелкая пакость, а в тарелку не полезут. Надеюсь, и маг-отец не перепутает после третьей рюмки, что для кого, а то с него станется поганкой закусить, жалко его будет.

Как-никак отец родной, единственный.

Подумала пару секунд, а не вызвать ли бесёнка, пусть пробежится, чад из легких выветрит свежим земным воздухом, заодно еще какую-нибудь гадость стащит, но самой интересно, кто у нас гости. К демоницам отец не позвал бы, деликатность мы блюдем.

Отправилась лично, насвистывая этюд ля-минор. Без единой ошибки! Вот почему на скрипке так никогда не выходит? Что за закон подлости? Не устаю удивляться, как боги ко мне неблагосклонны. С таким именем – и никаких даров!

Папенька, сколько себя помню, вечно сокрушался, что я в магии звезд с неба не хватаю, угольков из преисподней не таскаю. Магия – это та же музыка, в ней чувство ритма и гармонии важно, слух нужен, а в некромантии – абсолютный слух. «Некромант ошибается только один раз», – эта цитата предшественников висит у него над столом в рамке. Научишься, мол, на скрипке сносно пиликать, тогда и с магией дело сдвинется.

Зачем, спрашивается, в Академию меня отправлял, если не доверяет? Зуб даю – надеялся, что провалюсь на вступительных и навсегда заброшу идею учиться на некроманта.

Слух у меня, кстати, абсолютный, но этого мало, чтобы не только слышать, но и вызывать душу мелодии из мертвого дерева и струн.

Пинком распахнула дверь в кабинет отца и – фьюить – сфальшивила, взяв на октаву выше. Оу! Вот это экземпляр!

Таких эффектных гостей я у папули еще не видывала.

Какие рога! Какие мускулы! Какие глаза огненные! Кисточка на хвосте!

Удивительно ли, что я, онемев, наслаждалась такой красотой минут пять?

***

Демон взметнул хвост, – наверное, это какой-то приветственный жест типа салюта, судя по жизнерадостному клыкастому оскалу, – и кисточка распустилась, как бутон, выставив фиолетовое жало с ярким ядовито-желтым огоньком на острие. Симпатичный цветочек, руки чешутся оборвать. Хм… А это точно приветствие, если в глаза тычут таким ядовитым оружием?

– Стоять, Азир! – свирепо рыкнул на него папик, за миг до того расслабленно сидевший на полу, по-бедуински скрестив под собой ноги и медитируя на стоявшую перед ним граненую, как хрустальная ваза, литровую бутыль. Опять? Ненавижу! Некромант, видя, что демоняка не пошевелился, а его поза стала даже более угрожающей, рявкнул: – Отставить, сказал! И хвост подожми.

Обожаю! Вот правильно, так и надо с демонами обращаться: «К ноге! Место! Фас! Апорт!»

Другого языка они не понимают. Почувствуют слабину – всё, пропал некромант. Глазом не успеешь моргнуть – ключ-

ки по закоулочкам, и душа в аду. А никто лучше не знает настоящую цену душе, нежели некромант. Тут мы высочайшие профи, маклеры чернейшей из бирж, даже не подпольной, а подземной. К нам (ну, то есть, к папику, конечно) за консультацией приходят Сами Знаете Кто, и платят немалые проценты. Папик меня к этим сделкам и на версту не подпускает, а зря. Нет у него деловой жилки вот ни столечко. Не дано ему, как мне на скрипке.

– Служанка? – поднял бровь гость.

– Не держим, – поморщился некромант. – Моя дочь Дарайна. Дара, это мой приятель Азир, высший, если ты не заметила, демон. Даже не пытайся его превратить в рогатую мышь, как прошлого гостя, и выгнать веником. Не получится, силенок не хватит.

О! Это хорошо, что папенька счел мой столбняк, то есть повышенный интерес к красоте и мощи экземпляра с Той Стороны, за как всегда внезапное пробуждение маменькиного наследия и подготовку к ведьминской атаке.

– Дар-Айна… Испугалась, маленькая? – демон насмешливо качнул перед моими глазами смертельно опасной кисточкой.

Чтоб тебя! Ну почему исчадия Тьмы никогда не воспринимают меня всерьез? Не в папеньку мастью пошла, увы. Пигалица писклявая, да еще и в несерьезных пегих кудряшках. Я уже привыкла, что приходится с каждым мелким бесом свои права некромантические качать, вдалбливая этим тва-

рям, кто тут хозяин положения. Но сейчас особенно обидно. Хотя бы потому, что мне еще долго учиться вызывать подобных высших демонов, не по зубам они мне пока. А вот я им – на один чих…

Удерживая левой рукой поднос, взяла бутерброд с жабьей икрой, представляя, каким красивым бисером будут выглядеть икринки на черных шелковых волосах демона, и с размаха насадила на повисший перед носом ядовитый шип.

– Закусь подана!

Швырнула поднос, целясь на стол в углу затянутой дымом комнаты (левитирующее заклинание не даст ему перевернуться в полете). Теперь гордо удалиться.

– Посуду сами за собой уберёте, некогда мне, – бросила я, не поворачиваясь.

Ай, какая непростительная ошибка! Разве можно спокойно оставлять демона за спиной, пусть даже связанного словом некроманта?

Его хвост обвился вокруг моей лодыжки, и я едва не грохнулась. Косяк задержал: я об него знатно лбом приложилась.

– Это что за гадость? Отравить меня решили? – возмущенный демон двумя когтями брезгливо держал бутерброд. – Ешь сама!

И хвост потянул меня назад к исчадию ада, как удочка рыбку.

Папик нахмурился:

– Азир, немедленно отпусти мою дочь.

– Пока она сама не съест вот это, не отпущу! – заявил рогатый.

– Считаю до трех, или запру тебя в эту бутыль! – привстал черный маг его величества. – Еще полную, причем. Цени мою царскую щедрость. Раз.

– Твою щедрость? – возмутился адский красавец. – Я же тебе эту водяру и притаранил в дар! В вашей дыре такую еще лет пятьсот гнать не научатся.

– Значит, будешь сидеть полтысячелетия в уникальной бутылке, по шею в самой качественной водке. Два.

Хвост нехотя отцепился, и напоследок скользнул кисточкой по ноге ласкающим жестом, как ладонь.

– М-м-м… а какая у тебя нежная кожа, ангелочек! – демон демонстративно облизнул чувственные губы.

Я онемела от такой наглости.

Папик выразительно постучал ногтем по горлышку бутыли:

– Добро пожаловать в одиночный аквариум, рыбка рогатая. Открывай и залазь.

– Открыть открою, – уступчиво кивнул Азир, и под его прищуром крышка спешно свинтилась. – Но голодным не полезу. Дурной это тон – пить на голодный желудок, – он презрительно покосился на поднос. – Что, некроманты в этом мире совсем обнищали? Я не гурман, мне достаточно телячьего бифштекса с кровью. Пять штук. И сыр порезать. Я предпочитаю твердые сорта, и жирность должна быть не

меньше пятидесяти пяти процентов. И салатик из креветок с лимоном. Или твоя дочь готовить не умеет? Могу научить.

– Эй, а он случайно не перепутал наш дом с ресторацией? – возмутилась я, покраснев. Кухарка из меня аховая. Тут у меня как со скрипкой: ингредиенты рецептуры все в точности соблюдены, по граммам, время по секундам выверено, а есть невозможно почему-то. Бутерброды и яичница – верх моего мастерства.

– А что возьмешь за обучение? – оживился папик, разливая прозрачную жидкость по рюмкам.

Собутыльники уже не обращали на меня никакого внимания. Грех не воспользоваться. Тем более, что заклинание деалкоголизации любого напитка у меня отработано идеально – комар носа не подточит. Даже потустороннего. Даже папенькиного. Вкус и запах мерзкого зелья сохранится, и даже туман в голове появится качественный, способный принимать очертания белочки. А вот алкоголя как такового – не будет. Как бы иначе мой родитель выжил за эти годы после всех этих чудовищных еженочных возлияний?

Но сначала отвлекающий маневр.

Я с надрывом провозгласила:

– Пить – здоровью вредить! А при ребенке так вообще только нелюди делают!

И с такой укоризной посмотрела в глаза бесстыжие, во все четыре глаза, что оба смутились и отвернулись. То, что надо! Мое заклинание тут же юркнуло невидимым мотыльком,

рассыпалось капельками и растеклось по стеклотаре.

– А я и есть нелюдь, – вяло огрызнулся демон, внезапно вспомнив о своей подлой сущности. – Так вот, об обучении. Цена обычная. За милую душу и выпьем, – предложил он, изящно опустошил рюмку… задумался на миг, с подозрением прищурившись на бутылку, и мое сердце екнуло. Неужели догадался? Все-таки в присутствии высших демонов я еще свой фокус не проворачивала.

Но Азир выдохнул, поставил тару и, мрачно глянув на мухоморы, решил занюхать кисточкой хвоста, но, увидев прилипшую жабью икринку, с минуту брезгливо отряхивал, чистюля.

Черный маг фыркнул и пить не стал, а взгляд сделал не менее огненный, чем у демона. И сам весь такой грозный, что Азир мгновенно присмирел и глазищи потупил, не выдержав. Обожаю папика!

– Широко улыбаться будешь своему Повелителю, Азир, – холодно процедил маг. – Забыл, с кем говоришь? Не смей даже заикаться о душе Дарайны.

– Я и не заикаюсь, – пробормотал гость. – Так, помечтал. Можно и за меньшую цену сторговаться. Скажем, на заветное желание, которое никогда не исполнится, а? Ты только подумай, маг, как твоя дочь будет готовить! Божественно, не побоюсь этого слова! Да ей любой король не только руку и сердце с потрохами отдаст после первой же рюм… э-э… постоянно путаю эти ваши названия столовых приборов… по-

сле первого же блюда, но и душу продаст за добавку. Какой мы бизнес развернем, прикинь.

– Папик, а теперь он тебя за сутенера держит? – подала я голос, не решаясь уйти.

Успокоившийся маг как раз поднес рюмку к губам и поперхнулся первым же глотком. Ой, а про рюмку-то я и забыла! А теперь и не успеть с заклинанием, да еще когда рогатый с таким вниманием смотрит.

– Дарайна! – прокашлявшись, еле выдавил некромант со слезами на глазах. – Одна из заповедей мага – никогда не произноси слова, значения которых не знаешь.

Я промолчала. Наша соседка-ведьма, папина воздыхательница, давно взялась за мое всестороннее образование. Без ведома отставного Черного мага, разумеется. А кто еще будет развивать во мне ведьминское наследие, доставшееся от почившей маменьки? Мужчинам-то это искусство недоступно!

Между тем, папик нехорошо так задумался:

– Заветное желание, говоришь? Есть у меня одно… самое заветное…

– Не твое, Амадей, – поспешил демон остановить размечтавшегося мага. Вот что-что, а чуйка у Той стороны непревзойденная! О чем хорошем для Той стороны может мечтать некромант, обремененный хорошо развитым черным юмором?

– А чье же еще? – удивился папик.

– Так твоей дочери, раз речь о мастер-классе для нее по кулинарному искусству. Дар-Айна, у тебя же есть заветная мечта?

Есть! Выспаться наконец! Потому что с ночным образом жизни Черного мага – всем остальным в доме не до сна, даже мышам! То беглых мелких бесов выловить надо, то помочь пентаграмму починить, да гостей с Той стороны покормить и выпроводить восвояси, то к соседке-ведьме наведаться за поганками и уроком по женской магии, то пакость спланировать для маэстро…

– Есть, конечно! – гордо вздернула я подбородок. – Но за такую чушь, как готовка, я свою мечту не отдам! Чай, не кухаркой родилась!

– Пожалуй, к нашей скромной кухне я уже привык, – грустно вздохнул некромант.

– Ну, пап, да умею я готовить, честно. Только когда мне? – вступилась я сама за себя, потому как больше некому защитить сиротинушку. – Нашу клятую башню промыть после твоих опытов не успеваю как следует. А еще домашние занятия!

– Какие? – удивился родитель.

– Вместоакадемические, ты обещал! И огород! А главное – маэстро Дальег!

О ночных походах на кладбище и собственных магических опытах в погребе, где и хранятся съестные припасы, я предпочла не упоминать. Узнай папик, почему у нас в под-

земелье всё, кроме мухоморов, так быстро портится, мне несдобровать.

– Маэстро Дальег, да уж… – совсем загрустил отец, подперев голову кулаком и рассеянно роясь вилкой в капусте, выцепил клюковку, отправил в рот и скривился. – Знаешь, друг мой Азир, какие кошмары меня мучают с тех пор, как Дарайна на скрипке начала учиться? Твоему пеклу и не снились.

Я даже задохнулась от возмущения! Его кошмары мучают? Его?!

Это меня они мучают кошмарнее, чем черти грешников на Той стороне!

Как только начинается урок музыки, так я сама не своя становлюсь! Так-то добрая. Честно-честно. Милостыню подаю, со слугами вежлива, прохожих лошадьми не давлю…

Но я ненавижу, ненавижу, ненавижу этого учителя музыки! Старикашка плюгавый, трухлявый пень. У него сукно на локтях протерлось, и желтая кожа просвечивает. Сразу понятно: вместо рубашки под камзолом – накладная манишка без рукавов, вроде слюнявчика младенческого. Скряга! Ему такие деньжищи папенька платит за мое обучение, мог бы и приодеться!

По десять раз заставляет гамму играть. Пятьдесят. Шестьсот шестьдесят шесть! Осатанеешь тут.

Он меня тоже ненавидит.

А как же! Знаменитый чуть ли не век назад (и тогда же

забытый) маэстро Дальег, гению которого рукоплескали все сильные мира сего, тратит последние силы на втюхивание бездарной девице законов гармонии.

Дались мне эти законы.

В нашей округе один закон: мой папенька. Черный маг Его Величества. В отставке.

Год назад он напортачил что-то несусветное с порталами: королевскую площадь разнесло вдребезги и, самое главное, от статуи архангела Гарниэля, целиком, как утверждали скульптор и казначейство, отлитой из золота, осталось лишь одно отломившееся перо. Испарилось сокровище с высоченной стелы. Вознеслось.

А перо оказалось из позолоченного железа. Причем, и позолота была фальшивой!

«Подменили! – уперлись скульптор и казначейство. – Украли!»

Король тогда совсем озверел, чуть папеньку не казнил, но одумался и не стал связываться с некромантом.

А мне та статуя никогда и не нравилась: изуверство какое-то желтушное, крылья петушиные и, главное, лицом – копия короля. Это архангел-то? Государь наш Этьен хоть и красавчик, но далеко не свят. Очень далеко. Сволочь он, откровенно говоря, и убийца. Сначала казнит за малейшую провинность, потом мертвых допрашивает.

Папенька этими допросами и занимался лет пять, и характер у него совсем испортился. Сколько безвинно загублен-

ных, – все зубами скрежетал он и пил по возвращении с работы безбожно, по-черному, как некромант. Неудивительно, что руки у него быстро дрожать начали, и пентаграммы ему последние годы я чертила.

Отставке он так обрадовался, что нализался с демонами до чертиков, и опять чего-то там натворил, в имение маменькино сбежал и меня с собой уволок.

А я только поступила в Чародейскую Академию, только влюбилась впервые в одного черноглазого однокурсника, только собиралась на свой первый бал в королевский дворец. И тут такое….

Деревня, можно сказать, глушь, Саратошь.

Академический отпуск дали мне с первого дня первого курса. Разве мог ректор отказать в просьбе бывшему Черному магу его величества отпустить дочурку на домашнее обучение?

Помню, молнии тогда летели во все стороны, – так они друг на друга орали. Ректор-то Белым магом его величества оказался. По округе все кладбища поднялись на защиту папеньки, даже королевская усыпальница. Леса окрестные тоже подтянулись – за ректора заступиться. Паника поднялась страшная. Весь Ковен магов собрался драчунов разнимать, да людей и нелюдей, чисть и нечисть успокаивать.

Потом мы с родителем едва ноги унесли от монаршьего гнева, а два соперника так и не узнали, кто из них круче, Черный или Белый. Зато ославили меня на всю столицу, не

успела поступить. Не знаю теперь, как и возвращаться.

Знал бы кто, чему меня тут учат!

Игре на скрипке! Меня, потомственную некромантку!

Я минут пять стояла, онемев, и полыхала праведным гневом.

Демон задумчиво изучал меня, скользя изучающим взглядом. Не нравился мне этот взгляд! Ой, как не нравился! Но я еще на кухне надела на себя мамин защитный амулет, так что не страшно даже демонского сглаза!

А черный маг все грустил, провалившись в невесть какие воспоминания. Хотя очень даже весть! Мамуля-то моя готовить умела божественно, вот он и грустил по своей любимой и ее талантам.

Наконец некромант встрепенулся:

– Бог с ним, с кулинарным даром. Обойдемся как-нибудь. Кухарку найму, в конце концов. А музыкальный дар слабо дать моей девочке?

– Душу не продам, да еще за такую фигню! – уперев руки в бока, оглядела я обоих.

– Дарайна! Что за выражения в моем доме! – папик.

– А за какую продашь? – демон. А глазищи-то загорелись… нечисть!

Игнорирую.

– Далась тебе эта скрипка, пап.

– Или ты научишься играть, или никакой магии, я сказал! – величественно вскинутая голова, суровый взгляд, бу-

тылка в руке вместо скипетра, и рюмка вместо державы. – Заклятье наложу.

Я испугалась. Если папеньке какая блажь в голову ударит – сделает ведь. Как пить дать, сделает. Черный маг Его величества никогда не пасует перед трудностями, даже если руки дрожат.

Азир спрятал лукавую ухмылку за кисточкой хвоста, которую тщательно расчесывал полированным когтем, пожал плечами:

– Ну-у, не знаю… Очень сложная задача, сам понимаешь. С кухней куда проще. Скрипка – инструмент тонкий, душевный, это вам не сковородка.

– За ценой не постою, – папика охватил азарт, – всё, кроме, сам понимаешь, чего.

– Всё? – ехидно переспросил демон, и шасть хвостом к моей ноге, кисточкой пощекотал. Я взвизгнула. Ненавижу щекотку!

– В разумных пределах, – спешно поправился маг.

Глава 2, в которой выясняется, что всему миру в целом и нашей Даре в частности угрожают все силы ада

Так, побоялись, и хватит. Трепет дочерний показали, кто тут главный – подтвердили, пора брать ситуацию в свои маленькие, но крепкие руки.

– Минуточку, – свела я брови. – А с кем договор будет заключен?

– С получателем дара, – ответил гость.

– А кто платить будет?

– Разумеется, я! – оскорбился родитель.

Даже не повернулась, чтобы укоризненно глянуть. Толку-то. Говорю же – никакой деловой хватки у Черного мага!

– А с каких это пор за дары Той Стороны расплачивается третье лицо? – прищурилась на рогатого. – Или ты, демон бесстыжий, решил двойной навар втихаря поиметь?

– Ну почему же, – теперь уже обиделся хвостатый, – в традиции есть и такая форма оплаты.

– Ой-ой, – улыбаюсь. – Как же я могла забыть! А еще прекрасно знаю, чем обычно заканчивается эта форма – дополнительным соглашением о выкупе права расплаты. И почему-то всегда по двойной, а то и высшей цене!

– Далеко не обязательно, – трепыхнулся демон.

– Так это для тварей бессердечных необязательно, а для людей…

И как пошла о прецедентах рассказывать.

И как мать Лусия ребенка спасала от неизлечимой болезни, а заплатила своим здоровьем, и сын ее в приют сдал, когда надоело с больной неходячей старухой возиться. А потом, когда узнал, почему его мать умирает и не может умереть, раскаялся и предложил Той Стороне взять с него выкуп, а здоровье матери вернуть. Они и взяли с радостью. Обе души в ад ушли – сама их вызывала, знаю.

Или как хорошенький паж Вилли влюбился в нищую принцессу, а ее замуж отдали за соседнего короля-урода, Лирса Кособокого. Принцесса в слезы, бедняжка. А паж – чистая душа – и предложи Той Стороне свое разбитое сердце в обмен на пригожесть чужого короля, лишь бы его любимая не плакала. Король стал красавчиком, а добрейший Вилли – бессердечным скотом, и соблазнил принцессу, когда к жениху вез. А она увидела жениха, влюбилась без памяти, да разве нужна королю опозоренная невеста? Утопилась, всеми отвергнутая. А Та Сторона похихикала, да Лирсу явилась. И король из гордости выкупил оплату пажа, еще большим уродом стал, детей не оставил – ни одна женщина на него смотреть не могла. Вилли повесился после того, как его сердце снова ожило. А оба королевства родственники и соседи по клочкам растащили. Три души получила Та Сторона за один

дар красоты. Вот они, дары Ада.

Или взять историю любви магини Гиневры…

– Хватит, Дарайна! – взмолился отец, а сам гордится мной, я же вижу. Мне хоть сейчас историю магии сдавай, не провалюсь.

Азир, усевшийся на пол, как и мой папик, скрестив под собой ноги, тоже почему-то аж лоснился от удовольствия, словно я тут балладу о его личных подвигах пела.

– Подведем итог, папочка, – взяла я завершающий аккорд. – Платить двойную цену – позор для некроманта. Я сама всему учусь, как могу, а даров мне… хи-хи… и даром не надо.

Он вздохнул, набулькал своего прозрачного яда в рюмки.

– А почему ты решил, что у нее нет дара? – вдруг спросил Азир.

– А ты слышал, как она играет?

– Я слышал, как ловко она вертит бесенятами, – ухмыльнулся рогатый гад, выдав меня с потрохами. Мстить Та Сторона тоже любит, не откладывая. Раз я сорвала его сделку…

– Что-о?! – рюмка выпала из руки мага, пролившись на хвост демона.

– Понятно, – Азир раздраженно встряхнул намокшую кисточку, и у меня мелькнула шальная мысль подпалить ее. Взяла себя в руки. Не будь здесь папика… Демон, заметив блеск в моих глазах, поджал хвост, и еще раз меня выдал: – О своем волкодаве тоже не знаешь, Амадей?

– А что не так с нашей собакой? – папик воззрился на меня.

Я всплеснула руками, отступая к двери:

– Ой, забыла его покормить! Бедный Ральт с утра голодный!

Демон заржал. Папик щелкнул пальцами и позади оглушительно хлопнуло.

Я пяткой пнула запертую дверь. Бесполезно. Всё. Попалась.

– Пап, выпусти! Мне срочно… на воздух… плохо что-то…

Держусь за живот, бледнею. Бледнею, я сказала, а не краснею! И не надо так на меня смотреть, папочка. Мама, на кого ты меня оставила?! Он же меня убьет и поднимет, как я несчастного Ральта. Ы-ы-ы… Стоп. Слезу пускать еще рано, с этим неотразимым оружием пока подождем.

– На воздух, говоришь? – черный маг, скептически оглядев мою страдальческую гримасу, резко вытянул руку в сторону, и от этого жеста оконная створка с витражом в виде пентаграммы распахнулась, а из окна даже в сумерках прекрасно видна конура у ворот и облезлый Ральт во всей его неподвижной красе. Я мысленно приказала своему зомби спрятаться в конуру, ни на кого не обращать внимания и хвостом шевелить изредка.

– А ты посмотри на песика повнимательнее, Амадей, – подсказал демон, кося на меня бесстыжим глазом.

Папик, подойдя к окну, понаблюдал, и щека у него нехорошо так задергалась, а голос стал ласковым-ласковым:

– Дарайна, ангел мой, ты только посмотри, какая идиллия!

Я сделала шаг к нему, но близко подходить и не подумала. Мне и отсюда видно, если приподняться на цыпочки и вытянуть шею, что сейчас мне будет полный пипец. Волкодав в точности выполнил приказ, заполз в конуру, но снаружи торчал его хвост и механически дергался, как маятник часов, а с ним внаглую играл соседский котенок, от которого по идее и мокрого места не должно уже быть – Ральт терпеть не мог кошек даже после смерти!

– А что тут такого? – спрашиваю. – Наша собачка – добрая душа, и муху не обидит.

Черный маг Его величества побарабанил пальцами по подоконнику, повернулся к демону, и мне очень не понравилась этакая боевая решительность на величественном некромантском лице.

– Друг мой Азир, надеюсь, ты не будешь возражать, если мы перенесем нашу беседу на более благоприятное время, – начал он освобождать плацдарм от посторонних. – Семейные обстоятельства, понимаешь…

И зверский взгляд в мою сторону.

– Как скажешь, господин маг, – ответствовал гость. – Но я пришел к тебе по важному делу, и оно не терпит отлагательств. В конце концов, семейные обстоятельства у тебя не катастрофические.

Плохо он знает моего папика. Ему только возрази, когда он в таком предгрозовом состоянии.

– Вот как? – полыхнул и громыхнул Амадей. – Не катастрофические?! Ты видел, что она сделала с Ральтом? Умертвие! И ни одного подчиняющего заклинания не наложила, потому я и не обращал на собаку внимания. Бегает и бегает. На свободе! Даже не на цепи! Да он ее же первую и загрызет, стоит ему проголодаться. И как эту безголовую девчонку еще в Академию приняли?

Я не выдержала такой вопиющей несправедливости:

– Вот если бы ты дал мне там учиться, может, меня уже научили бы не только закуску демонам подавать!

Щеки бывшего Черного мага его Величества слегка покраснели.

– Дарочка, я же уже объяснял: кто знал, что в последний момент мой друг-ректор подаст в отставку по состоянию здоровья, а на его место поставят моего злейшего врага? Этого отвратительного выскочку, зазнайку и бездаря фон Аристейна! Да будь ты даже семи пядей во лбу, он бы тебя со свету сжил в первую же неделю обучения. Этот прощелыга сделал бы так, что тебя не просто отчислили, а с грандиозным позором, лишь бы мне досадить.

– Позор вы мне оба уже обеспечили на всю жизнь! – да, я злопамятная. Для некроманта это жизненная необходимость.

– Когда ты его подняла, Дара?

– Ректора?!

– Ральта!

Вот. А что я говорила о злопамятности черных магов? А ведь так хорошо отвлёкся…

– Месяц назад, – я мечтала куда-нибудь провалиться, но затевать это в рабочем кабинете черного мага с вмурованным в пол бронзовым пентаклем – чистое самоубийство с отягчающими обстоятельствами, так как отсюда проваливаются только в одно место – в адову бездну.

– Месяц? – опешил папик. – И… чем ты его кормила?

– А его надо было кормить?

– Разумеется! И не обычной собачьей едой.

– Он не просил и сам как-то справлялся. А разве умертвие не подчиняется сразу поднявшему его магу?

– Только после заклинаний подчинения. Любой поднятый мертвец мечтает в первую очередь уничтожить нарушителя его посмертного покоя. Если ты даже этого не знаешь…

– Но он же меня слушается, даже мысленных приказов!

– Вот это и странно. Расскажи-ка мне подробнее, как это произошло.

Демон, уже сам наверняка себя проклявший за несвоевременную месть, нервно стукнул хвостом по полу и вмешался:

– Амадей, не все так страшно. Песик у вас послушный, воспитанный, я за ним давно присматриваю. А вот чудовище, что сейчас свободно гуляет по вашему миру – это для вас глобальная катастрофа.

Папик мгновенно забыл обо мне, но дверь так и не открыл.

– Какое чудовище, Азир?

– Вот с этим делом я и пришел! – обрадовался хвостатый. – Примерно год назад из нашего мира сбежал очень опасный демон из высочайших. Что-то там не поделил с повелителем и взбунтовался. И мы до сих пор не можем его поймать и вернуть. Даже мир, куда он скрылся, вычислили только недавно. Он где-то у вас прячется, это уже точно известно.

– Год? – усмехнулся папик. – Если за такой срок никаких слухов здесь о нем не возникло, значит, не так ваше чудовище для нас и опасно. Какое нам дело до ваших внутренних разборок, Азир?

– Самое прямое. Скоро они перейдут во внешние разборки. Наш повелитель в таком гневе, что готов на самые кардинальные меры по поимке беглеца. Понимаешь, чем это грозит вам?

– Уж не нашествием ли? – поднял бровь маг.

– Повелитель приказал нам вывернуть ваш мир наизнанку, но пропажу найти.

Мама дорогая, вот это дела! А ведь могут и наизнанку, могут. Нам угрожает конец света! Пользуясь папиным шоком, я встряла:

– И почему этого еще не произошло? Если есть приказ вторжения, то что вас останавливает?

Точно знаю, что не наши разрозненные магические ордена. Они настоящему нашествию не помеха, как и святая церковь.

– Да, Азир, не крути хвостом, – встрепенулся маг. – Я не мальчик, чтобы верить в миролюбие демонов.

– Верить и не требуется, – ехидненько согласился Азир. – Тут и простая логика справится. Разве нам это надо – лишаться целого пирога и крошить его в пыль, чтобы отыскать в начинке одну крупинку? А потом что – зубы на полку? Новый мир разрабатывать? Лень, знаешь ли. Умники из высшего командования решили для начала попробовать другие методы.

Отбрехался рогатый, само собой, но прищучить его нам с папиком не удалось. Сделали вид, что поверили. Некроманты – демону, ха-ха.

– Значит, прямого приказа о вторжении еще не было, – с облегчением заметил папик, подцепил вилкой ломтик огурчика и захрустел, в задумчивости поглядывая на бутылку.

– Прямого не было, – нехотя признал Азир. – Выворачивать мир можно по-разному. Главное – результат. И сроки, само собой. Повелитель пока отвлекся на другие проблемы, но вспомнит и спросит. А мы к тому времени беглеца на блюдечко положим и поднесем. И никакого вторжения, зачем нам зря наших терять? Вот если бы тут никто не сопротивлялся – другое дело! Но ведь будете, и ты первый начнешь?

Некромант хмыкнул:

– Разумеется, начну. Но виданное ли дело, демон приходит с предупреждением к черному магу! Иду, мол, на вы. С чего бы?

– Мы с тобой уже давно друзья-приятели, Амадей! Сколько я тебе контрабандного бухла притаранил, и ничего взамен не просил, кроме закуски. Забыл? А ты говоришь – противники, – Азир улыбнулся во все клыки, обаяшка такой, и сверху припудрил лестью: – Вот я и подумал: почему бы нам не договориться по-хорошему, великий черный маг? Ты помогаешь мне поймать нашего беглеца, а я помогаю тебе найти и обезвредить того, кто направил на твою дочь «серое зеркало».

Папик как раз предпринял очередную попытку выпить – наклонил горлышко бутылки над рюмкой, да так и замер, вперив взгляд в демона, и жидкость продолжала выбулькиваться из горлышка, давно переполнив крохотный, с наперсток, сосуд и растекаясь вонючими струйками по ложбинкам бронзовой пентаграммы на полу. Не судьба ему сегодня надраться, – позлорадствовала я. Вообще не судьба в моем присутствии!

Голос мага почему-то охрип:

– Серое зеркало?

– Что ты творишь, Амадей! Подумаешь, проклятие! – возмущенный демон попытался выхватить почти опустевшую бутылку. Папик не отдал.

– Самое подлое, тонкое и гибельное из возможных! – чер-

ный маг выглядел небывало бледным. Даже машинально завинтил колпачок на бутылке. – И давно оно на ней?

Демон обошел вокруг замершей меня, зачем-то дунул на затылок. Щекотно же!

– С семи лет, – вынес он вердикт. – Застарелое, глубоко въелось.

– С того года, как умерла ее мать, – нахмурился маг. – Снять возможно?

– Только со смертью проклявшего. Готов помочь, – кровожадно блеснули клыки. – Так что ты думаешь о моем предложении, Амадей?

Раз запахло договором, пора вмешаться, – решила я, радуясь, впрочем, что за такими потрясениями о зомби все забыли.

– Вы мне сначала объясните, что за зеркало! – потребовала.

– Потом, – отмахнулись оба.

– Потом уже наступило! И вообще… Пап, не соглашайся. Проклятье любая ведьма снимет, да хоть наша соседка, твоя воздыхательница. Что-то говорит мне, что тебе предлагают неравноценный обмен.

– Дарайна! – папик, укоризненно.

– Если что-то говорит, то это шизофрения, – демон, ехидно.

– …но он же не к нашей соседке явился за помощью, – невозмутимо продолжила я, меня так просто с толку не

сбить, я тренированная, – а к тебе, королевскому черному магу! Значит, и цену назначать тебе, а не ему.

– Во-первых, не суйся в дела взрослых, дочь! – решил меня повоспитывать черный маг. – Во-вторых, это проклятье человеку заметить невозможно, и уже одна подсказка дорогого стоит. В-третьих, даже если увидеть и найти источник, далеко не каждый маг его снимет. А в одиночку и вообще невозможно. Это же «серое зеркало»!

– И что? Со мной все нормально, пап, я прекрасно себя чувствую, не болею никогда, ты же знаешь. Может, никакого проклятия и нет. Если человеку его не увидеть, то как проверить? Нашел, кому верить – демону!

Азир сделал непрошибаемо каменную морду.

– А то, что оно медленно, незаметно и неотвратимо разъедает и душу, и разум! – пояснил папик. – Еще года два, и ты станешь совсем слабоумной.

– А сейчас, значит, слабоумная, но не совсем? – покраснела я.

Маг молча показал на вещественное доказательство – конуру с неподвижным Ральтом, уже еле видную в сгущавшихся сумерках. Забудет он о нем, как же.

– Не пугай ребенка! – проворчал демон. – Не слабоумной, а законченной блондинкой. То есть, девой светловолосой, светлокожей, светлоокой… Их миллионы, и ничего, живут. Да еще как красиво живут, особенно, если характер удачно стервозный!

– Над характером я поработаю. А чем плохо быть блондинкой? – я потеребила свою пеструю облезлую косу и решила обидеться на всякий случай, хотя я и не светловолосая ни разу и вообще чумазая наверняка после того, как угольки из остывшего кухонного очага таскала – ритуальный круг в подвале рисовать.

– А, долго объяснять, – папик махнул рукой. – Хорошо, Азир…

– Нет, не хорошо! – я плюнула на маневры и пошла напролом. – Пап, у тебя никакой деловой хватки! Разве можно соглашаться на первое, что предложит Та Сторона? Надуют! Значит так, Азир, мы с папиком подумаем над твоим предложением и выдвинем встречное, со своей ценой.

– Пять минут у меня еще есть, думайте, – ухмыльнулся рогатый гад.

– Что тут думать! – рявкнул злой, как черт, маг. – Если подозрения насчет «серого зеркала» подтвердятся, Азир, я согласен на твою помощь! Найди мне ту сволочь, что сделала такое с моей дочерью, а я разыщу ваше беглое исчадие, в какую бы дыру оно не забилось.

– Если? – прищурился демон. Мелькнула страшная мысль, что он сделает всё, чтобы мой «диагноз» подтвердился. Да он лично навесит пресловутое «серое зеркало»!

– Если ты ошибся, а я надеюсь на это… и не полыхай на меня зенками адскими, я тебе пополыхаю! Сначала мне убедиться надо. Может, на Дарайне лишь иллюзия проклятия,

меня попугать. Есть в Королевской Академии артефакт, который может проявить невидимую порчу, даже «серое зеркало». В любом случае мне надо возвращаться в столицу. Тем более, король давно опомнился и зовет обратно на службу. Нашел идиота.

– Амадей, а как же наш беглый преступник? – нахмурился демон.

– Дальше нашего мира не убежит. Дарочка, ступай, собери мой саквояж. Выезжаю утром.

Я кивнула, но осталась стоять как впаянная намертво в пентакль. Впрочем, снаружи, не пересекая его металлических желобков. Так я и поверила. С каких это пор папенька доверяет мне упаковку своего бесценного дорожного саквояжа? Ясно, что это просто предлог, чтобы меня вежливо выставить. А кто проследит, чтобы ни папе, ни его хозяйству убытков не было?

Демон тоже интригующе молчал. Только его взгляд задумчиво путешествовал по моей фигуре, словно хищник прицеливался, куда цапнуть жертву, чтобы не вырвалась. И на заявление хозяина дома потусторонний гость отреагировал на диво спокойно. Кончик демонского хвоста трепыхнулся, ухо дернулось, но на этом возражения иссякли. Папик заметил, конечно, его бровь вопросительно поднялась, но Азир остался безмолвен и безмятежен с виду, как спящая акула.

Черный маг снизошел до пояснений:

– Вы год ждали, прежде чем ко мне обратиться, вот и еще подождете недельку-другую.

– А если за эти неделю-две мы сами найдем? – отмер демон. – Подумай, какую выгодную сделку ты упускаешь!

– Если бы вы могли его найти, то и ко мне не пришли бы. Значит, все свои методы исчерпали, – резонно заметил некромант. – Или надеетесь нагреть свои загребущие когтистые лапы на сделке со мной. Зеркало вот всплыло за столько-то лет… Так вот, если проклятие на моей дочери есть, то платой за мои труды будет его полное снятие без последствий для Дарайны на всех уровнях, видимых и невидимых, известных и неизвестных. На всех, включая душу, мечты, судьбу и прочие тонкие материи, которые вы горазды портить.

– Ну знаешь… – трепыхнулся рогатый, но папа его остановил властным взмахом руки.

– А если его на самом деле нет, то за мои услуги поиска и поимки я с вас потребую… Впрочем, мы это наедине обсудим. Дара, саквояж!

– Пока подпиши договор о намерениях, а условия оплаты приложи к нему дополнительным соглашением, – подсказала я.

– Ты еще здесь? – черный маг вскинул бровь.

И одним взмахом, не двигаясь с места, совершил три действа: закрыл окно, распахнул дверь и вымел меня из кабинета, как ни упиралась.

Еще я успела заметить, как он глянул мельком на протя-

нутый Азиром пергамент (и когда демон успел состряпать?) и капнул кровью из уколотого демонским когтем пальца, наверняка превратив каплю в подпись. Рядом одновременно вспыхнула черным пламенем подпись Той Стороны. Пергамент тут же раздвоился, один экземпляр исчез, а второй свернулся в трубочку и обвился черной змеей ленты, на одном ее конце вспыхнула мглистым сгустком адова печать и тут же превратилась в змеиную голову с разинутой пастью. Пасть щелкнула огненными зубами и захлопнулась, зажав собственный хвост. Мерзость! И не подсмотреть теперь!

Прежде, чем за мной захлопнулась дверь, папик, забыв о разлитом на полу, незаметно преобразованном мной спирте, выщелкнул искры на свечи, стоявшие на вершинах пентаграммы.

Ох и полыхнуло по всему кабинету, словно вулкан взорвался!

От беззвучной ярко-синей вспышки я ослепла на несколько минут и хватала ртом внезапно исчезнувший воздух, пока легкие не наполнились.

Когда темные пятна в глазах поблекли, я рванула в кабинет.

Пусто.

Ни демона, ни мага.

Тишина. Только сорванная решетчатая створка с выбитыми стеклами заунывно скрипела, качаясь на одной петле, да где-то далеко взахлеб выли собаки.

Комната выглядела нереальной: свечи испарились, зато зыбко светился голубой дым над оплывшей бронзой пентаграммы; искорками мерцал голый камень стен, а немногочисленная мебель покосилась так, словно забыла, какой формы должны быть стол, кресла и шкаф с книгами. Фолианты спеклись в огромный монолит. Я растерянно коснулась их ладонью – ледяной холод. К счастью, особо ценные магические раритеты отец не держал в комнате для вызова демонов.

Боги, о чем я думаю! О каких-то плесневелых книгах! У меня отец пропал!

Не должно быть такого эффекта от какой-то горючей лужицы. Да и чему там гореть, если я алкоголь преобразовала? Или… или я в заклинании ошиблась? Не может быть! Совсем не может! Я уже десять лет его применяю, ни разу не ошиблась!

И голубого сияния быть не должно, это я знала точно – не первый раз некромант при мне демонов восвояси отправлял.

Но он еще ни разу их не сопровождал за порог!

Нет, я, конечно, не идеальная дочь. Но вот так запугать меня каким-то «серым зеркалом», грядущим безумием, концом света и сбежать?!

Или… черного мага похитила Та Сторона? Зачем? Им-то как раз сейчас это невыгодно. Кто будет выполнять договор?

И тут я вспомнила, что в случае невыполнения договора по любой причине, даже преждевременной гибели некроманта, за его долги перед Той Стороной расплачиваются его

наследники, если не оговорено иное. До сорокового колена, пока не выплатят долг. И никакой страховки Той Стороной не предусмотрено, и никакие обстоятельства демонов не разжалобят. Подписал договор кровью – исполняй, пока твоя кровь течет в этом мире в жилах потомков.

Знать бы еще, что в том договоре!

Меня привел в чувство посторонний звук. Каскад чудных звуков скрипки, доносившихся из сада. Маэстро Дальег, давно привыкший к внезапным громам и молниям в башне черного мага, как ни в чем не бывало играл Лунный ноктюрн.

Глава 3, в которой на далеком острове Чеврабин появляется танцующий маг, способный зачаровать даже суровых чеврабинцев

Год моей странной жизни в этом мире превратился в постоянное бегство. Забиться в какую-нибудь нору и спокойно искать способ вернуться домой невозможно: если не менять образ, чужое лицо врастет, и я никогда уже не верну своего, даже не вспомню.

А после того, как я попал в ловушку и долгое время был заключен в какую-то мерзкую статую, я потерял себя. Кем я был? Как оказался в этом мире? Блондин я или брюнет? Высокий или низкий? Какого цвета глаза?

Уже не помню.

Но это не страшно. Главное – я знаю, куда возвращаться. И помню, что стоит попасть в свой мир, вернется и память о самом себе.

Но за целый год я не нашел дорогу домой. Не к местным же магам обращаться со своей тайной. Сколько я их тут встретил, – ни у кого не оказалось ни знаний, ни сил. Они даже погодой управлять не могут. Да что погодой, даже соб-

ственным настроением!

– Ты меня слышишь, Анри? – гаркнул на ухо скрипач Рипс, составлявший ровно половину нашей труппы.

Я поморщился. Анри – это не мое имя. Я не помнил своего, и придумывал новое для каждого моего нового попутчика. Только Рипс знал Анри. Исчезнет попутчик, исчезнет и имя. Обычная подстраховка для такого, как я, пришельца.

– Ну куда я денусь, старик?

– И в этом твоя вина – в том, что никуда не денешься из этой вонючей дыры. Из-за кого мы тут застряли, а?! Ты обещал мне больше не танцевать на свадьбах, парень! – голос старика сорвался в визг, короткие серые космы стояли дыбом, а блеклые глаза налились кровью. Ух, как сердит. Откуда столько злости в артисте, любимце муз? Скрипачу полагается быть чутким и возвышенным.

Я пожал плечами:

– Это была помолвка.

– Какая разница, если результат тот же? – старик в отчаянье воздел длани к дырявому гостиничному потолку. – Девичьи слезы, разрыв, возвращенные кольца. Нас опять чуть не побили! Нашел с кем связываться – с пиратами!

– Но ведь не побили же. Успокойся, Рипс. Лучше выпей.

– Ни за что! – а бутыль уже булькала над кружкой, и напарник заметно подобрел. – Будешь?

Я кивнул:

– Запах не плох.

– Да отличное вино! Кейское, из капитанских запасов, в знак благодарности прислал за разбитое сердце, – скрипач подмигнул, с наслаждением посмаковал глоток и совсем повеселел. – Нет, ты мне скажи, раздолбай этакий, других девок на той пристани мало было? Танцевать больше не с кем? Почему именно эту девку выбрал? Невесту! Как ты узнал, что у них обоих сердце не лежит друг к другу?

Едва сдержав очередное пожимание плечами – так нервный тик легко заработать – я взял кружку, отпил. Неплохое пойло для этого мира. А уж в городке, где мы застряли, такого не найти даже в доме городничего. Знаем, плавали на званый ужин.

– Друг мой Рипс, я уже тысячу раз говорил, сам не понимаю, как это происходит. Знал бы, не пришлось бы так часто покупать инструмент.

Вру и не морщусь. Все равно не объяснить, чужой я тут.

Лежит у них сердце – не лежит, а расчет вернее. Зачарованные успевают опомниться и подумать о своей выгоде, и тогда нас только быстрые ноги, да верный нож спасают.

А вот имуществом приходится жертвовать. Деремся, чем придется, даже тщедушный Рипс то и дело трясет стариной. За лето у него уже третий инструмент разбит о чью-то голову, правда, не самая лучшая скрипка. Свое лучшее сокровище он не рискует доставать на наших представлениях, а играет по ночам будто бы сам себе, а на самом деле с одной лишь целью – не дать мне выспаться.

– Рожу-то нонешнюю покажи, – поставив кружку, Рипс требовательно уставился на мою маску, все еще скрывавшую лицо, хотя мы давно забились в свою комнатушку на втором этаже портовой таверны, дрянную и блохастую, как бродячий пес.

Что еще плохо при моей жизни – возвращаться в прежнюю гостиницу, где у нас был приличный номер, мне уже нельзя: рожа перестала соответствовать. А в маске по такому маленькому городишке, где все всех знают до седьмого колена, не походишь. Популярность – замечательная вещь для пополнения кошелька золотом, но очень неудобна для личной жизни и жизни вообще.

– Зеркало дай, Рипс.

Скрипач вытащил из-за пазухи дамское зеркальце в крикливой, инкрустированной лазурью и хрусталем оправе, и я, сняв маску и черный парик, тщательно изучил отражение. Ну и рожа. Чужая, но это не успокаивает – мне же с ней жить теперь. Соломенные вьющиеся волосы, бледная кожа, длинный и тонкий нос, капризные губы сластолюбца и мягкий безвольный подбородок. Интересно, этот аристократ еще жив, или давно сгнил в могиле, разбив сердечко голубоглазой пастушке, согласившейся даже на брак со старым пиратом, пусть и знаменитым?

– И что она в нем нашла, чтобы так любить? – риторический вопрос отражению.

– Бабы-с, – меланхолично отозвался мой спутник, цедя

вино мелкими глотками, чтобы растянуть удовольствие. Его дряблая кожа порозовела, в глазах благодушие. – С девицами-то мне все понятно. А вот как ты умудряешься заставить их женишков спокойно отпускать невест?

Вот кто довел меня до нервного тика своими вопросами. Три месяца достает! Но столько дней бродить в паре с одним человеком – счастье для меня. Поначалу я сам от них сбегал сразу после представления и дележа денег – их в первую очередь опасался, пока не привык к этому миру.

– Не так и спокойно отпускают. Кто тут очередных побоев боялся? – улыбаюсь, и взгляд падает в зеркало. А паскудная улыбка у этого моего облика – слащавая и липкая, как медовая патока. Как жить буду с такой физиономией до следующего танца? Да и не всякий танец меня изменит. Неизвестно, как сложатся грядущие день и ночь. И никто во всех мирах не знает, когда в следующий раз найдется сердце, способное хранить мечту живой.

В том и прелесть.

Скрипач допил кружку, но наполнять не стал.

– Пойду, за вещами схожу.

– Лучше посыльного отправь.

– Не доверю я всяким прохиндеям свою любимую!

Это он о спрятанной скрипке так нежно. Его единственная любовь. Где-то я завидовал нищему пропойце – у меня и того не было.

Поверх добротной рубахи Рипс надел нищенский, драный

на локтях и подмышками камзол, глянул на окно, за которым бушевала гроза, чертыхнулся и снял с гвоздя шляпу с рваными краями. Натянул ее поглубже, чтобы не унесло ветром и, захватив недопитую бутылку, резко распахнул дверь.

Сколько можно говорить этому склеротику, помнившему без провалов только бесчисленные мелодии и названия вин, – не смей выходить, пока мое лицо открыто!

Я схватился за маску и парик, но надеть не успел, как и спрятать.

И тут же расслабился: слава местным богам, это была не танцевавшая со мной девушка, визита которой я так боялся – после нашего танца они способны находить меня чуть ли не по запаху.

В дверях стоял несостоявшийся жених. Самолично капитан Лирок.

Все знаменитые пираты отличаются умом и сообразительностью, иные и не успевают прославиться злодеяниями. Лирок, судя по выражению его глаз, не стал исключением: миг, и обстановка оценена, бутылка в руках Рипса оценена кривой усмешкой, как и покрасневший нос музыканта. А когда незваный гость заметил свисающий с моих колен хвост черного парика, ухмылка стала зловещей. Скользнув взглядом по копне фальшивых волос, он вскинул глаза и поморщился.

– Так вот ты какой, маэстро Анри Тайрен.

О, да, я такой… уже час, прошедший с тех пор, как замолк последний аккорд над гаванью и замерло последнее движе-

ние танца, родившего мое новое лицо.

С того момента, как жених лишился невесты, признавшейся, что любит другого, и пираты едва не разорвали нас на части.

С той минуты, как капитан пресек поножовщину, провозгласив тост: что-то там о вольном братстве и его истинной жене – каравелле, которых он едва не предал. Морские волки прослезились от счастья.

– Войти можно? – пират спросил весьма вежливо для грозы морей, я оценил.

– Смотря с чем пожаловал, – напряженно буркнул Рипс.

Гость достал спрятанную за спину руку… с двумя бутылками, удерживаемыми за горлышки. Кажется, утром у моего спутника опять будет болеть голова. Что за жизнь? Либо нас бьют, либо спаивают. Мне-то без разницы, я не пьянею, природа такая. Но эта особенность настолько ненормальна в этом мире, что приходится скрывать и притворяться.

Мой скрипач тут же повеселел, скинул шляпу и камзол, тут же нашел оправдание, мол, за вещами можно и потом сползать, все равно сутки вперед оплачены, не тронут. Но его веселье как ветром унесло после слов пирата:

– Ваши вещи уже на моем корабле.

Так нас ограбили?! – переглянулись мы с музыкантом. И как это понимать?

– Я взял на себя смелость позаботиться о багаже пассажиров моего корабля, – пояснил Лирок.

– А с чего вы решили… – завелся мой задиристый спутник.

– А с того, – перебил морской волк, – что городничий приказал арестовать и повесить проходимца, расстроившего помолвку его дочери Жаннет, и ни один стражник не откроет вам ворота города, если вы захотите покинуть его по суше, и ни один корабль, кроме моего, не примет вас на борт, если попытаетесь бежать морем. А для путешествия на лодке погода неподходящая.

С этими возмутившими наши души словами капитан поставил бутылку на стол, а из второй выбил пробку одним хлопком мощной ладони по донышку. Уважаю профессионалов в любом деле.

– У нас нет денег оплатить проезд, не успели заработать, – угрюмо заметил Рипс.

– Разве я сказал что-нибудь об оплате? – с деланным возмущением воскликнул Лирок. – Я у вас в долгу, господа!

Наполнив наши кружки, он приступил к рассказу.

– Знаете ли вы, господа, что мой несостоявшийся тесть, опекун моей неверной невесты Жаннет, – не только глава городской управы, но и родной брат губернатора этого паршивого острова, чтоб ему на дно морское уйти со всеми его кровососами…

История пирата оказалась банальна как помойная крыса и столь же нечиста и омерзительна. За месяц до нашего прибытия наивную девчонку соблазнил проезжий молодец. Опе-

кун узнал о грехопадении Жаннет и с помощью брата-губернатора взял за жабры удачливого пирата, которого мог шантажировать: либо свадьба с его блудной приемной дочерью и снижение торговых пошлин, либо для начала запрет на сбыт награбленного в его городе, а там и на всем острове. А будет упираться – у губернатора давно лежит под сукном решение королевского суда о казни морского разбойника Лирока через повешенье.

Разумеется, капитан выбрал жизнь и кошелек, а куда деваться?

– Эта женитьба стала бы позором для меня. Я бы все равно бросил порченую девку сразу на пороге церкви, – признался Лирок после третьей совместно распитой бутылки. – Может, она беременна, иначе с чего бы такая спешка? Так ты примешь мою помощь, маэстро?

– Отчего же не принять, – пожал я плечами, а сам подумал, что надо бы узнать, насколько разгневан губернатор. Не верю я в разбойничью благодарность. Отучен.

Вот это я влип. Кто ж знал, что занесет меня в такую дыру?

Какой мерзкий мир эта ваша Терриста! Отсталый, грубый, дикий, и рожи у его обитателей – чудовищные. А женщины! Самая последняя дурнушка из моего мира здесь считалась бы красавицей. А д*у*ши! Меленькие, как насекомые. Бескрылые, как тараканы.

Я раздавил каблуком хитиновую тварюшку, обитавшую в гостиничном номере, и брезгливо скорчился. Грязь, сплош-

ная грязь. Дикари!

Главное, магией в открытую пользоваться нельзя. Тут еще инквизиция жива, вдобавок ко всем дикарским прелестям. Впрочем, меня не это останавливает от того, чтобы щелчком пальцев дезинфицировать весь этот притон вместе с хозяевами и постояльцами. Но, примени я что-либо серьезнее заклинания, чистящего постель от клопов, меня быстро вычислят мои враги. Кто-то же лишил меня памяти и засунул в этот дерьмовый мирок!

К полуночи весь порт был пьян в стельку. Капитан уснул в нашей каморке за столом, уронив голову на сложенные руки. Рипс свалился на деревянный топчан, а я ходил по нашему клоповнику из угла в угол.

Опять надо срочно уносить ноги. Причем, с пиратами мне решительно не хотелось путешествовать. Даже если не брать в расчет опасность того, что меня – молодого здорового мужчину с крепкими мускулами – могут скрутить и продать в рабство или приковать к веслу (разумеется, если я не буду сопротивляться), то это плохая идея – путешествовать по островам с моей новой рожей. Судя по услышанному, ее владелец, соблазнивший племянницу губернатора, – тот еще бабник и много где напакостил. Его физиономию наверняка опознают, и без маски мне нежелательно высовываться. Но кто же среди бела дня ходит в маске?

Хорошо иметь дело с селянками: за пределами деревни лиц их возлюбленных никто не знает. А чуть выше по соци-

альной лестнице – и риск возрастает многократно.

Что ж, надо решать вопрос с выживанием в этом мире и на этом конкретном острове, раз уж я здесь оказался. В конце концов, на самый крайний случай у меня есть портальный амулет. На пару раз его еще хватит. Магическое возмущение будет немалое, но на острове мое перемещение проследить некому.

Остается срочно решить вопрос, куда перемещаться. И жаль Рипса, конечно. Очень жаль. Сработались мы с ним неплохо, лишних вопросов он не задавал, играл в любом состоянии, даже напившись в стельку. Но провести его порталом я никак не мог, не раскрыв себя полностью. И он слишком стар, не каждый человек, даже обладающий недюжинным здоровьем, может выдержать мгновенный пространственный переход, созданный потусторонней магией.

Я посмотрел на дрыхнувших собутыльников, надел парик и, сунув маску в карман, ушел черным ходом.

Уже брезжило утро, и гулявший всю ночь порт и его окрестности, включая целиком городок, мирно спали. Мужское население в основном, в канавах и под кустами. Но я не учел, что кое-кто из женского населения обладает горячим любящим сердцем, невероятным терпением и целеустремленностью. Стоило мне сделать пару шагов от черного хода, как наперерез метнулась хрупкая фигурка, холодные руки обвили шею, и на мне повис прекрасный груз.

Я сразу узнал эти сияющие даже в предрассветной мгле

глаза и содрогнулся, запоздало вспомнив о непростительной оплошности – я не успел надеть маску! Бывшая невеста морского волка Лирока, отвергнувшая жениха после единственного танца. Дочка главы городской управы и племянница островного губернатора. Очаровательная Жаннет, соблазненная заезжим проходимцем.

– О, Вилли! Милый Вилли! Я знала, что это был ты под маской! Сердцем чуяла! Я знала, верила, что ты вернешься за мной! – зашептала бедняжка. Судя по выглядывавшим из-под легкого плаща оборкам, она даже не переоделась и всю ночь выслеживала бросившего ее негодяя. Увы, от таких как она и маска не спасает!

– Ты замерзла, Жаннет, – глухо сказал я и, взяв за руку, потащил подальше от крыльца и чужих глаз.

У нее действительно зуб на зуб не попадал, и мне стало ее бесконечно жаль. Как, впрочем, уже не один десяток обманутых девушек, с которыми мне довелось танцевать в этом беспощадном, безнравственном мире. Мой-то родной мир наверняка более добр и благороден, судя по мне хотя бы.

– Ты вернулся, чтобы похитить меня и обвенчаться, любимый? – прильнула ко мне несчастная. – О, Вилли! Прости, прости! Отец грозился убить меня, если я не выйду замуж за этого ужасного разбойника! А ведь я ношу твоего ребенка!

Я содрогнулся, представив, что будет, если нас обнаружат.

– Милая, видишь ли… – начал я обходной маневр. Но меня прервали.

Улица, только что выглядевшая абсолютно пустынной, вдруг заполнилась толпой вооруженных пиками всадников, большая часть которых была облачена в форму стражников. А с другой стороны проход перегородили горожане с факелами, вилами и кольями, возглавлял атаку сам глава управы, папаша неверной невесты, дир Винпер верхом на гнедой кобыле.

– Вот ты и попался, сэр Вильям Ганенлот! – заорал он. – Мерзавец! Схватить его!

– Что-о? – выпрямился я, пытаясь отпихнуть снова повисшую на мне девицу.

– Папа, я держу его! – взвизгнула Жаннет, хватая меня за руки и не давая и шагу ступить. – Быстрее!

Вот и жалей этих липучих провинциалок. Еще кто кого соблазнил?

– Держи, дочка, держи! Теперь-то он не отвертится! Господа, прошу всех в церковь! Моя дочь немедленно выходит замуж за месера Вильяма Ганнелота! Не так ли, месер? Весь город – свидетели, что ты явился, чтобы расстроить свадьбу Жаннет и Лерока, потому что влюблен в мою дочь без памяти. Весь остров уже знает, что ты только что пытался похитить мою девочку. Или ты женишься, или кровью смоешь ее позор! – проорал городской глава, наставив на меня жуткое изобретение некромантов этого мира – многозарядную пищаль, стреляющую амулетами с заклинаниями праха. На поясе мужчины я заметил патронташ с маленькими глиня-

ными черепами, активизированными, судя по зеленому сиянию глазниц.

Я посмотрел в глаза Жаннет. Девчонка была полна решимости и… страха. За любимого, за их ребенка… Нет, она не из тех ушлых девиц, готовых на все, чтобы окрутить богатенького столичного щеголя. Будь она такой, не сработала бы моя магия. Вся беда в том, что она любила подлеца Вилли искренне, самозабвенно. И готова защищать свою любовь.

Что ж. Так тому и быть. Вилли должен быть наказан, а Жаннет… пожалуй, ей пора взрослеть. Мне нужно всего лишь провернуть тот же трюк, к которому не раз приходилось прибегать за год приключений в человеческом мире.

И это не будет клятвопреступлением, ведь я не успею принести брачных клятв.

– Я готов, господа. Где тут церковь?

– А ты не такой подлец, как о тебе говорят, виконт, – осклабился один из всадников, вероятно, командир отряда стражников, судя по экипировке и приличной сбруе на лошади.

Толпа, ожидавшая сопротивления, драки и крови соблазнителя и предполагаемого похитителя крошки Жаннет, разочарованно загудела. Но тут же сообразила, что кутёж продолжается, и у свадьбы Жаннет вот-вот начнется второй раунд.

Пешком идти не пришлось. Кто-то залихватски свистнул, народ расступился, пропустив телегу, спешно украшен-

ную цветами. Плохо примотанные пеньковой веревкой цветы осыпались от каждого толчка.

Два дюжих бородатых молодца подхватили меня под руки и погрузили в свадебную телегу небрежно, как мешок с костями, и уселись рядом, зажав в тиски. Я чуть не задохнулся от исходившего от них амбре пота, перегара и капустного рассола.

– Полегче! Пшел вон! – мстительно пихнул я одного и пнул другого. – Вон! Ты нарушаешь мое личное пространство, шваль! Забыл, кто я?

Понятия не имею, кто таков этот Вилли Ганнелот, но явно не простых кровей. За простого и нищего дир Винпер, глава портового города и покровитель пиратов, не вцепился бы мертвой хваткой.

– Мы-то помним, – заржал один из охранников, – а вот ты, Вилли, похоже, забыл, кто мы. Скажи спасибо нашей сестренке, что вытащила из нас клятву не убивать тебя, когда увидим в следующий раз. Но и только. Если ты женишься на ней, конечно.

– Но учти, зятек будущий, – зашипел второй, – побить мы тебя все равно побьем. Не до смерти, это мы обещали. И твой папаша нам не помешает, и его дружба с королем. Так что, готовься.

Братья Жаннет отодвинулись, но транспорт не покинули. Один из них помог забраться невесте и усадил ее на скамью напротив.

– Трогай!

Городок, название которого я так и не удосужился узнать и запомнить (велика честь!), был так мал, что даже цветы с повозки не успели растрястись. Пара кварталов, и вот уже меня практически вносят под руки в небольшую церквушку, насквозь провонявшую ладаном, мирром и пчелиным воском. Дышать нечем.

Я немедленно начал чихать. Ничего не могу поделать – аллергия!

Пока меня тащили к алтарю, я наверняка покрылся пятнами. И уже почти ничего не видел – так сильно потекло из глаз и носа. Терпеть не могу крошечные провинциальные храмы!

– Мессир, вам плохо? – подошел ко мне священник.

Еще как плохо! Его одежда не стиралась лет сто!

Я с трудом выдохнул через опухшее горло:

– Умираю!

– Вилли! – вскрикнула невеста. – Что с тобой?

– Да притворяется он! – прорычал кто-то из близнецов-братьев Жаннет. – Уловка это, святой отец. Жените их побыстрее, да и дело с концом.

– Так нельзя! – возразил священник. – Нужно привести жениха в чувство.

– Жаннет, – я нашел и сжал руку девушки. – Отведи меня к окну и приоткрой створку. Мне нужен свежий воздух.

Она решительно цыкнула на братьев и потянула меня куда-то, я плохо видел. Но вскоре почувствовал сквозняк.

– Что с тобой, любимый? На тебе лица нет!

Если бы ты знала, как права, девушка!

– Милая, я не переношу запах кислой капусты и сивухи.

– Что? О чем ты?

– О твоих братьях. Пусть держатся подальше от меня, пока не протрезвеют. И попроси открыть все окна!

– Как скажешь, Вилли. Вот, возьми платок— она заботливо промокнула мне глаза, щеки и нос платком. —Тебе лучше?

Я отобрал кусочек ткани, высморкался и сунул в карман. Нельзя оставлять местным магам ничего от своего тела, даже сопли. Проморгался. От свежего утреннего воздуха, щедро лившегося в открытое окно, действительно полегчало.

– Спасибо, милая, значительно лучше. Скажи, ты действительно любишь этого… меня?

– Больше жизни.

– Ты же меня совсем не знаешь!

– Ты прав. Настолько не знаю, что мне кажется, будто ты возмужал за эти месяцы, а твой голос… мне запомнилось, будто он был немного выше. Но это всё моя дырявая девичья память… У нас будет вся жизнь впереди, чтобы узнать друг друга, – она широко улыбнулась. Похоже, девчонка искренне верила в счастливую жизнь с негодяем. Глупая.

– Запомни, Жаннет. Больше жизни ты должна любить не мужчину, даже такого великолепного, как я, а свою душу. Только свет твоей души привлечет к тебе твое счастье.

– Не понимаю.

– Позже поймешь. А сейчас ничему не удивляйся.

– Хорошо. Не буду, – покладисто согласилась Жаннет. А ведь она для кого-то будет идеальной женой. Надеюсь, не для мерзавца Вилли.

– Нас ждут, дорогая. А я… кажется, очень плохо выгляжу. Не для брачной церемонии. Скажи, я ведь маг?

– Слабый, но я тебя полюбила не за магию. Моей силы на двоих хватит.

Она прильнула ко мне и потерлась щекой, как кошка.

– Прекрасно! – я покосился на ее семейство, что-то бурно обсуждавшее, на горожан, занимающих скамьи в зале, на стражников, открывающих окна и двери и остающихся на месте охранять выходы. На нас сторожко поглядывали, но пока не торопили. Грех не воспользоваться. Другого шанса не будет. – Теперь отвернись к окну, закрой глаза и представь меня таким, как при первой встрече. Очень хорошо представь.

– Но… зачем?

– Просто сделай это, милая. Доверься мне. И прости. Прости меня, Жаннет.

Она пристально посмотрела мне в лицо. Ее глаза недоуменно расширились, как будто она начала что-то подозревать. Но доверие к недостойному возлюбленному было еще слишком велико. Жаннет закрыла глаза и отвернулась, прошептав:

– Если ты бросишь меня здесь и сейчас, я убью тебя, Вильям Ганнелот.

– Не бери грех на душу, женщина. Доверь это дело своим братьям, – дал я совет и раздавил в кармане свой последний портальный амулет.

***

Мгновенного переноса не получилось, да и не нужно было, потому я сдержал вспышку, позволив протачивать пространство постепенно, как древесный жук, а не как удар копья. Нужно было, чтобы девушка, своей страстью слепившая мое лицо, сосредоточилась на самом ярком воспоминании о возлюбленном и тем самым дала направление магическому потоку.

Но и слишком сдерживать разрывающее пространство невозможно. Потому я помедлил несколько бесконечных мгновений, пока реальность не начала двоиться, и на ее второй грани не забрезжил смутный образ – первоисточник моего нынешнего облика. Получилось! Теперь надо действовать быстро, пока люди не очухались ни тут, ни там, где раскрывался зев портала!

Но…

Мне никогда не понять местных женщин, хотя почему-то был уверен, что в своем родном мире прекрасно их понимал. Жаннет схватила меня за рукав и, мазнув губами по щеке, выдохнула:

– Теперь я знаю: ты – не он! Он бы не смог открыть портал.

Но, кто бы ты ни был, возьми меня с собой!

К нам уже бежали стражники и несостоявшиеся родственники.

Я молча вырвал рукав и шагнул в чужую спальню, навстречу белобрысому красавчику с похотливыми губами, в непотребного вида подштанниках и распахнутой на тщедушной груди кружевной рубашке. Теперь я понимаю, почему нежная провинциалочка, росшая бок о бок с грубыми братьями-мужланами и кровожадными пиратами, клюнула на эту белотелую, изнеженную и надушенную рыбку – по контрасту.

Или ей в детстве не хватало подружек.

Впрочем, красавчиком виконт уже не выглядел – с выпученными глазами, трясущимися руками с зажатой в кулаке опасно острой бритвой и свежим порезом на щеке.

Надо же, виконт так магически слаб, что брился тайком даже от слуг – задвинутую щеколду на двери и расплескавшуюся пенную воду на туалетном столике я тоже успел оценить.

– Т-ты кто? У тебя мое лицо! – в ужасе пробормотал Вилли и попятился.

– Я – твоя смерть! – не удержался я от пошлого розыгрыша и скорчил такую зверскую гримасу, что этот трус вместо того, чтобы воспользоваться бритвой как оружием, выронил ее и схватился за шнурок для вызова слуг.

Я прыгнул, сгреб его за шкирку и швырнул в закрываю-

щийся портал вместе с оборванным шнурком.

Из портала донесся вскрик Жаннет:

– Вилли? Почему ты в таком виде?

– Бей его! – успел я услышать затухающий рев ее братьев. И ухмыльнулся.

Мне даже не надо было оставлять следящее заклинание в церквушке, чтобы знать, чем всё закончится. Изрядно побитого, перепуганного и дезориентированного виконта непременно женят на будущей матери его ребенка. И весь остров будет потешаться над его подштанниками с вышитыми розовыми сердечками.

Портал схлопнулся.

И тут же дверь спальни содрогнулась от стука, и кто-то заорал басом:

– Господин! Вы звали? Откройте, мессир!

А вот встречаться со слугами и вообще с теми, кто знал Вилли как облупленного, мне категорически нельзя!

Кроме лица, у меня еще есть, увы, тело. И пусть оно немного приспосабливается к тому образу, что хранится в памяти влюбленных женщин, но под этой материализованной иллюзией я остаюсь самим собой, то есть, сильным мускулистым мужчиной.

Да и как я объясню мою весьма поистрепавшуюся одежду? В гардеробе виконта такая вряд ли нашлась бы.

– Уже не надо! Ступай к себе! – крикнул я, подражая тонкому фальцету белобрысого аристократишки. Поднял с по-

ла улику, по которой умелые маги могут отследить настоящего Вильяма Ганнелота, – окровавленную бритву, сунул в карман и направился к окну.

Надеюсь, тут не слишком высоко, а во дворе не слишком много народа: за окном едва наметился рассвет, хотя на острове Чеврабин в момент моего бегства уже всходило солнце.

Будь у меня хотя бы несколько лишних минут, я бы задумался: а куда это наш изнеженный аристократишка собирался в такую рань, что даже побрился и надел рубашку с кружевами? И тогда, может быть, я бы не поторопился закрыть портал, и вся история пошла бы совсем другим путем.

Но я спешил, – что поделать, в этом мире я всегда куда-нибудь и от кого-нибудь бежал! – и не придал значения какому-то там бритью. А ведь дьявол – в деталях.

Слуга, не удовлетворившись моими словами, снова прогрохотал кулаком в дверь. И я с трудом разобрал сквозь стук:

– Всё готово, ваша милость! Карету закладывают, завтрак подан, его светлость вас ждет!

А вот это плохо, – приуныл я.

Насколько я успел разобраться в иерархии аборигенов этого мира, виконт оказался сыном графа, и его папаша уже проснулся. А значит, и все слуги уже на ногах, в доме и во дворе полно глаз и ушей. Через окно, похоже, не сбежать.

Я огляделся, заметил еще несколько деталей: синий с золотом костюм, разложенный на постели, и ботинки с пряж-

ками и каблуками перед кроватью. Отсутствовала только сорочка. На резном туалетном столике, приличествовавшем более дамскому будуару, стояла шкатулка с откинутой крышкой, а из нее золотой струйкой стекала цепь с орденской подвеской. Рядом лежали перстни и булавка для галстука.

Так наряжаются обычно на бал. Но какой может быть бал в такую рань? Куда Вилли с папашей собрались?

Нехорошие предчувствия закрались в сердце.

Препираясь со слугой через дверь, я быстро скинул с себя пропыленную и замызганную одежду бродячего танцора, сунул ее под матрац и натянул чересчур тесные синие штаны.

Рубашку позаимствовал из гардероба. Первую попавшуюся, ярко-красную. Натянул камзол, надел орденскую цепь, перстни, брызнул духами, найденными на столике. Вспомнив о бритве, вытащил сверток из-под матраца и переложил лезвие в карман камзола.

И только тогда открыл наконец чертову дверь.

В комнату ввалился шкафоподобный лысый и краснорожий бугай. Везет мне нынче на громил.

– Ваша милость, нельзя же так! Я уж дверь хотел ломать! – пробасил он, быстро оглядывая меня с головы до ног. – Думал, вы руки на себя наложить решили, лишь бы назло папеньке не жениться на баронессе Бромс!

Что? ЧТО-О?

Опять?!

Гром и молния! Свинобрюх и бормотуха! Рылозад и… как там еще ругался старик Рипс?

Зря я испортил последний портальный амулет. Надо было бежать морем с пиратом Лироком. Да лучше уж в рабство! Там хотя бы восстание поднять можно!

Я плюхнулся на постель. Захлопнул рот, затолкав вопль обратно в горло, и закашлялся, подавившись. До слез.

Рука бугая без предупреждения шлепнула меня между лопаток, едва не выбив дух.

– Вашмилость, обождите, не помирайте! Водички? Я мигом!

– Кому тут вода понадобилась, Канк? Мой недостойный сын решил разыграть обморок, как девка? – в комнату вальяжной поступью, опираясь о трость, вплыл тучный мужчина в одежде таких же сине-золотых цветов, со звездой мага и графским гербом на цепи. – Не поможет, Вилли. В этот раз тебе ничто не поможет.

Почему же не поможет? У меня еще есть бритва в кармане и мозг в голове. Думай, изгнанник, думай!

Стоп. Почему изгнанник? Я что, начинаю вспоминать прошлое? А значит, я вспомню и как вернуться в мой родной мир!

Я так обрадовался, что не смог сдержать счастливую улыбку.

– Чему ты смеешься, глупец? – маг сердито стукнул тростью об пол. – Думаешь, я так жажду, чтобы в наш старинный

род вошла какая-то хитрая худосочная девка только благодаря шантажу и куче денег, происхождение коих сомнительно? В ее роду никогда не рождались маги! Она пуста, как деревянный башмак нищего! Если бы ты не проигрался в пух и прах ее братцу, плешивому барону Бромс, и не имел глупость оставить кучу долговых расписок, которые эта стерва выкупила, опередив меня, то нам не пришлось бы сегодня позорить наш прославленный род воинов и магов Ганнелотов!

– Но…

– Молчать! – снова треснул граф тростью. – Сорочку он, видите ли, красную надел в знак протеста. В нарушение церемониального протокола. И это весь вызов? На большее ты и не способен! Думаешь, из-за кровавого цвета твоей одежды Бромсы отменят свадьбу? Ха! Им нужен даже не ты сам, им нужен мой титул и связи. Добегался, дурень. Ни одной юбки не пропускал. А толку? В итоге весь королевский двор будет над нами хохотать. Не я ли говорил тебе, что готов мириться даже с мезальянсом, лишь бы ты породнился с сильной магической кровью?

«Моей силы на двоих хватит», – вспомнил я сияющие глаза Жаннет.

Есть выход!

Я вскочил как ужаленный и приобнял папашу Вильяма, похлопав его по спине. И, покашливая, чтобы разница в тембре голоса с его сыном была не так заметна, заявил:

– Тогда нам не о чем беспокоиться, отец. Шантажисты опоздали. Не успел тебе сообщить, но сегодня утром я… практически уже женат… Даже Бромсы с их наглостью и золотом не смогут заставить меня стать двоеженцем.

– Женат? Что за чушь ты несешь? – отец, приподнявший было палку, чтобы поставить на место блудного во всех смыслах сына, опешил.

Я спешно убрал руки и отступил за кресло, чтобы скорый на расправу тиран не сразу дотянулся.

– Помнишь мою поездку на остров Чеврабин несколько месяцев назад? – спросил я.

– Еще бы не помнить! Я тогда едва не лишился единственного, хотя и беспутого наследника. Ты попал в шторм и застрял на том острове на месяц, ссылаясь на то, что ремонт корабельного магического двигателя без тебя не обойдется, хотя что ты понимаешь в магии, если не маг?

– Теоретически все понимаю. – Тут я бил без промаха, поскольку заметил на столике в изголовье ложа несколько книг по теории магии и листок с чертежом и расчетом силовых потоков. Видимо, настоящий Вильям Ганнелот сильно переживал за свой слабый дар и наверстывал знаниями недостаток силы и практики.

– Не тяни время, сын, – нетерпеливо поторопил граф. – Не стоит злить Бромсов, когда они держат тебя за горло.

– Я познакомился там с очаровательной племянницей губернатора острова, дочерью главы крупного портового горо-

да. Мало того, что эта семья очень богата и так влиятельна, что держит под контролем даже пиратскую вольницу, так девчонка еще и сильна магически. Леди Жаннет не только прекрасна душой и… хм… телом…

– Постыдись, блудник! – рявкнул маг.

– Она, вдобавок ко всем достоинствам, еще и весьма одаренный маг, – поспешил я выложить главный аргумент, запоздало сообразив, как девчонка меня нашла, когда мы с Рипсом тайком перебрались в другую гостиницу. И добил старшего Ганнелота: – И она носит под сердцем вашего внука.

– Что? – папаша Вильяма покачнулся и был подхвачен под руку шкафоподобным слугой, на диво молчаливым. Я так и понял, что этот Канк не столько слуга виконта, сколько его надзиратель.

– Думаю, наш с Жаннет сын будет великим магом, – изящно завершил я ментальную атаку. – Ведь магия сильнее всего проявляется через поколение, и дети наследуют, как правило, силу дедов, нежели отцов.

– Но Бромсы… долговые записки… – пробормотал деморализованный и дезориентированный противник.

– О! Думаю, наши новые родственники возьмут на себя эту часть свадебных расходов, раз уж они устроили торжество с поистине королевским размахом, пригласив на него целый портовый город со всеми жителями, гостями и пира… путешественниками.

– Не понимаю… Какая может быть свадьба без жениха? Ты-то здесь, никуда не отлучался.

– О! Это наш с Жаннет сюрприз для тебя, отец. Я отлучался с помощью портала, чтобы всё устроить втайне от тебя и… Бромсов. Необходимо было хранить подготовку в строжайшем секрете. Сам понимаешь, с такими выскочками как барон и его вздорная сестра…

– Понимаю, понимаю, – закивал маг.

– Это не последний сюрприз, но остальное ты узнаешь в доме своего нового родственника, дира Винпера, отца моей настоящей избранницы.

– Дира? – изумленно поднялись кустистые брови папаши. – Он имеет звание генерала боевой магии?

– Вот видишь, какое славное родовое дерево я нашел для твоего внука. Но поторопимся. Надеюсь, у тебя еще не закончились запасы портальных амулетов? – граф, пребывавший в полной растерянности, кивнул, и я, не давая ему опомниться, распорядился. – Тогда открывай, у меня-то с этим проблемы, мне Жаннет помогала. Я введу координаты церкви, нас там очень ждут.

– Представляю, какие лица будут у семейки Бромсов, когда они поймут, что мы не явимся, несмотря на шантаж, – злорадно хихикнул аристократ и снял с руки браслет с амулетами.

– Ах да… – пока маг активировал портальный камень, я оглянулся на слугу. – Канк, пойди в конюшню и передай,

пусть выпрягут лошадей и уберут карету в сарай. Мы, как видишь, сменили маршрут и транспорт. Но сначала подай мне запасной костюм, у меня нет времени собирать дорожный саквояж, а чеврабинский климат суров и непредсказуем. И побыстрее!

Здоровяк, мерзавец, дождался графского кивка и лишь тогда ринулся исполнять приказ. Получив небрежный сверток с портками и камзолом, я сунул его папаше Ганнелоту.

– Подержи, отец. Мне надо ввести чеврабинские координаты.

Второй рукой он раскрывал портал, и его пальцы изрядно дрожали.

Я дождался, когда Канк покинет спальню, коснулся вибрирующего амулета и послал необходимый импульс, четко представляя себе покинутую час назад церковь.

Воздух взвихрился, в центре проступил иной интерьер – разбитая створка витражного церковного окна и разноцветный дым. А славно там порезвились, пока я тут решал проблемы Вильяма Ганнелота. Надеюсь, жених не успел сбежать.

Толкнул изумленного графа в спину, убедился, что он оказался на месте в целости и заблокировал заклинание.

Вот теперь можно скинуть чужие тесные тряпки и надеть старые, но свои. Спрятать предательскую бритву. И бежать.

Глава 4, где старый и малый отправляются в далекое путешествие

Папа, папа, как же так?

Куда ты мог пропасть?

Всю ночь я металась по башне, не находя решения загадки.

Из нее вытекала другая задача: что мне делать? Спасать родителя, конечно. Но где и как? Смотри первую задачу.

Я ползала по вмурованному в пол и теперь изрядно покорёженному пентаклю вдоль, поперек и по диагонали, пытаясь по остаточной магии понять, как было сплетено заклинание, какие чары задействованы. Но разве поймёшь тут, когда от оплавленного пола разило спиртом, горячим металлом, серной вонью и горелыми жабами?

Все силовые потоки были перепутаны, я почуяла даже тонкий след ведьминской силы. Но это либо померещилось от отчаянья, либо след моих собственных охранок и следилок, тайком от папули оставленных в укромных местах. А как бы иначе я вовремя узнавала, что у него с похмелюги опять заклинания вразнос пошли и пентаграмма не замкнута?

Уже далеко за полночь меня нашел маэстро Дальег лежа-

щей на полу и всхлипывающей.

– Дарочка, ты тут? – осторожно заглянул он в дверь, прижимая к груди футляр со скрипкой. – А я что-то Амадея не могу найти. Обычно он в это время в кабинете сидит… точнее, лежит на диване. Но там пусто. Не знаешь, где он?

– Не зна-а-а-ю-у-у! – взвыла я.

Села, вытерла слезы и сопли рукавом и в сердцах его оборвала. Толку выть. Найти пропавшего или похищенного черного мага это не поможет.

Нужно подумать, как его исчезновение отразится на договоре с Той сттороной! Если, конечно, это не они его похитили, что еще надо доказать.

Я подобрала валявшиеся в центре пентакля рюмки и бутыль, – всё, что осталось от папы и его рогатого гостя. На дне завинченной пробкой ёмкости плескалось совсем немного жидкости вместе с попавшей в нее то ли мусоринкой, то ли мушкой, барахтавшейся изо всех сил.

Какой странный мусор! Или всё-таки мушка? Разумная! Она выпускала разноцветный дым, выглядевший, как буквы «д» и «а». Потом «д» превратилась в «р». Дар? Дара?!

Я замерла, с вытаращенными глазами и открытым ртом наблюдая за метаморфозами.

– Дара? – встревожился маэстро. – Что с тобой?

– Ничего, всё замечательно, – пробормотала я, осторожно водружая бутыль на поднос, занимавший угловой столик. Попыталась отвинтить крышку. Не вышло. Она не просто

припаялась, а стала одним целым с хрустальной бутылкой, отличаясь только цветом.

Старик отложил футляр с неразлучной скрипкой и, покопавшись в кармане, водрузил очки на переносицу.

– Что это, Дарайна?

– Понятия не имею. Но наверняка имеет отношение к черной магии.

Маэстро опасливо присмотрелся. И что он издалека увидит даже в очках?

– Тут нужна лупа, – вынес он вердикт.

– И молоток, – добавила я.

Странный разноцветный дым покачнулся и сложился в отчаянное «НЕТ!». Даже почудился какой-то шум в ушах вроде тончайшего комариного писка. Вот и думай, к чему это отрицание относится.

– Не трогайте здесь ничего, маэстро, прошу вас. Особенно, бутыль. Она может взорваться. Видите, какие искры летят? И никуда не уходите. Я сбегаю за инструментом.

Молоток лежал в папиной мастерской на чердаке. И лупу я нашла там же. Еще зачем-то прихватила моток укрепленной заклинанием веревки и старый собачий ошейник.

Вот зачем, кто бы сказал?

Но я привыкла доверять ведьминской интуиции: раз толкнула некая сила под руку, значит, так надо. А зачем, потом разберусь.

В комнате с пентаклем ничего не изменилось. Папа, во-

преки моим надеждам, не появился, чтобы свести все к очередной шутке черного некромантического юмора. Маэстро Дальег, осторожно присев на краешек стула, изучал содержимое бутыли.

– Знаете, Дара, – сказал он мрачно, едва я переступила порог. – А ведь ваш отец так и не выплатил мне жалованье за последние полгода. Мне неудобно было ему напоминать, а он, как натура страстная, увлекающаяся высшими… кхм… разнонаправленными материями, ежемесячно забывал. А теперь меня мучают подозрения, что мне придется воспользоваться вашим предложением обзавестись новым сюртуком… с покойника снятым… в счет моего жалования. Потому как в имеющемся костюме мне новой работы не найти, а если и найти, то вряд ли с хорошей оплатой.

Мои щеки стали пунцовыми. Стыдно-то как!

– Господин Дальег, извините, это не специально получилось. Папа совсем не жадный. Как только он вернется, я ему напомню.

– Увы, меня мучают уже весьма прозрачные подозрения, что мэтр Амадей фон Фир не вернется еще очень долго, если не приложить особых усилий к его возвращению, поскольку многоуважаемый черный маг не в состоянии сделать это сам, – старик легонько постучал ногтем по стеклу бутылки.

Вооружившись лупой, я наклонилась, присмотрелась… Ой… Ой-ё-ёй!

– Как вы их разглядели, учитель?

– Милая моя девочка, я – музыкант, с Божьей помощью! Если я способен увидеть и услышать даже невидимые ноты еще нерожденной музыки, то неужели я не смогу разглядеть своего должника? Пусть он и спрятался на дно бутылки!

Мы снова посмотрели на посуду, ставшую саркофагом.

На дне творилась сущая чертовщина. Синенькая хвостатая и рогатая мушка изо всех сил трепыхала крыльями (моей любимой формы летучей мыши, кстати) и держала в когтистых лапках бескрылую русоголовую и краснолицую былинку. И похоже, былинка была без сознания. Или пьяная вусмерть – на дне еще хватало смертоносной жидкости, чтобы утопиться.

– Азир, миленький, ты только не урони его! – прошептала я.

В бутылке пыхнули разноцветные дымки, сложившиеся в руны: «А что мне за это будет?»

Вот гад рогатый! Он еще и торгуется!

– А за это я тебя выпущу из бутылки. Когда-нибудь… Договорились?

Договаривались мы долго, минут десять. За это время синенький мини-демон всячески демонстрировал, что он устал, крылья его, несчастного, не держат. А мини-папа то и дело окунался в остатки прозрачной жидкости, и о том, что он еще жив, говорили его вытаращенные глаза и еле-слышный писк. Потерпи, папа, я тебя вытащу!

Легко сказать!

Бутылка оказалась небьющейся – ее не брало ни одно заклинание, ни молоток, ни пила, ни скрипичный смычок, когда я, к ужасу маэстро Дальега, попыталась инструментом отпилить стеклянное горлышко. Нервы-то мне этот смычок пилил исправно!

Проклятая посуда не разбилась даже при ударе о плиты пола! Зато в обморок упал мини-демон, и на этот раз его спас мини-папа – сначала он держал его за рога, а потом внутри емкости появилась знакомая по почерку магии полупрозрачная защитная сфера, укрывшая бедолаг от моих экспериментов.

Маэстро Дальег безмолвно наблюдал со скорбным лицом за всем этим безобразием. Ну, хоть не пилил, спасибо.

– Почему я такая бездарная? – рыдала я, исчерпав все методы, какие только могла придумать.

Даже пыталась расплавить заклинанием «Жара преисподней»! Ох и хохотал проклятый мини-демонюка! Ни за что не стала бы спасать мерзкую потустороннюю тварь, если бы он не взял в заложники папу! Ну то есть, если бы собутыльники и соучастники договора не оказались еще и сокамерниками.

Кстати о договоре…

– Папа, где наш экземпляр договора? Мне необходимо с ним ознакомиться. Может, там какая-то подлая каверза мелким шрифтом, которую ты не заметил?

Мини-демон возмущенно пыхнул черно-багровым дымом, а мини-папа развел руками, показывая, что понятия не

имеет о местонахождении документа.

Подозрительно это все!

– Ла-адно, – протянула я. – Тогда пусть твой кореш Азир расскажет. Он-то наверняка отлично запомнил, что тебе подсунул.

Но мини-демон лишь просигналил: «Всё по стандарту», и демонстративно отвернулся. А потом и вовсе расстелил по дну сферы, плававшей на поверхности жидкости, одно крыло и улегся, прикрывшись вторым.

Папа, вздохнув, выплел заклинание, которое обычно использовал при рытье могил, чтобы порченой землей не перепачкаться, и рухнул морской звездой на невидимую подушку, державшую его в воздухе.

– Папа, тебе совсем плохо? Не умирай, пожалуйста, я этого не переживу!

«Дара, – замелькали бледненькие, еле видимые руны. – Не волнуйся. Мы с Азиром применили заклинание распада вещества, и теперь у нас тут внутри есть вода и кислород, остальное пошло на создание оболочки защитного непромокаемого пузыря. Продержимся.

– Как долго? – прорыдала я. – Если даже ты не можешь сломать эту ловушку, вы задохнетесь рано или поздно! С голоду помрете!

«Тут есть совсем крохотная дырочка в пробке, – прочертил мой родитель, – достаточно, чтобы воздух поступал. Воды тоже по горло. Что до еды, то мне диета не помешает, сама

же говорила. А тебе немедля нужно отправиться в столицу, искать помощи у моих друзей-магов. Тебе самой с этим проклятием не справиться, раз даже мы с Азиром не сумели».

– Да нет никакого проклятия на мне, пап. Это твой приятель выдумал про Серое зеркало, чтобы на крючок тебя подцепить.

«Я имею в виду то проклятие, которое заключило нас с Азиром внутрь бутылки. А с зеркалом тоже разберемся».

– А с договором?

«Увы, он подписан кровью. Сама понимаешь, что теперь его исполнение ложится на тебя, как мою единокровную дочь и наследницу. Я буду помогать, чем могу. Только не теряй наше временное пристанище, держи всегда при себе и никому, никому не показывай, кроме моих друзей в Ковене. Сама понимаешь, чем это чревато…».

Я кивнула. Прекрасно понимала! И дело не только в почти полной беспомощности некроманта, попавшего в ловушку проклятия.

Дело в том, что бывшего Черного мага его величества могут обвинить в предательстве заповедей Ковена, измене и преступном сговоре с Той стороной. Ведь он не убил демона и не умер от его лапы. И договора нет, чтобы предъявить и доказать, что между ними чисто деловая сделка! И копию мне невозможно запросить у Той стороны. Кто ж мне ее даст, не сожрав при этом просительницу?

Минуточку. Он сказал – в емкость их заключило прокля-

тие? Но как? Как оно проникло в ритуальный зал башни? Кто посмел? И почему Черный маг, когда-то слывший лучшим в королевстве, его сразу не почуял?

– Пап, а подробнее можно о ловушке? Всё, что ты сумел понять… – Я осеклась. Некромант свернулся калачиком и уснул, руны срывались с его пальцев мыльными пузырями и лопались: «Хр… Хр… Хр…»

В уголке оплавленной комнаты пошевелился маэстро:

– Надо ехать в столицу, Дара.

– Да, папа так же считает. Но как же вы? Будете ждать тут нашего возвращения? Еда в погребах есть, хватит надолго.

И тут я вспомнила о собаке. Зомби, оставшись без присмотра, сожрет любого, кого увидит и до кого сумеет дотянуться. А маэстро так привык к тому, что песик безобиден!

– Нет, Дарочка, я поеду с тобой, – отрицательно качнулась седая голова. – Негоже юной барышне путешествовать в одиночестве. Вдруг кто сочтет легкой добычей и обидит.

– И чем вы поможете? – в удивлении приподняла я брови. Только представить, как сухонький старичок бросается защищать юную деву от бандитов! Умора!

– А скрипка мне на что? – хихикнул музыкант. – И смычок?

Хитро поблескивая на меня глазами, маэстро раскрыл скрипичный футляр, вытащил из чехла запасной смычок и провел пальцем по древку. А потом ловким движением свернул винт и… вытащил длинный, тонкий как спица и ост-

рый как жало металлический штырь. Посмотрел на него с непередаваемым выражением, словно в душе музыканта боролись гордость и брезгливость.

– Вот мое оружие. Сразу признаюсь, бесчестное оружие. Бессильный не может быть героем, но и безоружным тоже быть нельзя. Кончик иглы смазан разбавленным ядом песчаного скорпиона. Ослабляет мгновенно, примерно на сутки. Но не убивает. Я против убийств, поверь. Музы не терпят кровожадности. Они отворачиваются от убийц.

– Верю. Вам нечего стыдиться, маэстро. Уверена, эта штука не раз спасла вам жизнь.

Старик загадочно улыбнулся:

– Не только мне, дорогая девочка. Не только. Но мы отвлеклись. Собирать мне нечего. Скрипка со мной. Я готов. Но как же собака? Кто ее будет кормить? Предлагаю дождаться утра и навестить вашу очаровательную соседку. Может, она согласится присмотреть за Ральтом?

Упаси боже!

Ральт и при жизни ее ненавидел, а уж после смерти… И за что, спрашивается? Такая милая женщина, даром что ведьма и нос крючком! Добрейшая душа! Она и ведьминскому, и поварскому искусству обучала меня бесплатно. И поганками для бесов снабжала, правда, уже не бесплатно. Надо навестить ее перед отъездом, помощи попросить в запирающем заклинании на воротах. В башне красть нечего, да и защита папенькина исправно работает, а вот Ральт… Можно, конеч-

но, его усыпить. Точнее, упокоить. Но вдруг опять накосячу, и зомби, наоборот, пойдет в разнос?

С такими мыслями я быстро собралась в дорогу. В первую очередь была уложена котомка с зельями, свечами, мелками, артефактами и маленьким тигелем. Подумав, взяла и тетрадь с конспектами. Двусторонними. С одной стороны – по некромантии, с другой – по ведовству. Сверху уложила рабочую одежду с вшитыми в нее амулетами и оберегами, куртку походную, а то ночами уже прохладно.

Любимое нарядное платье, то самое, купленное на несостоявшийся первый бал, и туфли взяла на всякий случай, не в ритуальной же робе идти к магистрам Ковена на поклон. Можно, конечно, и в столице купить одежду по последней моде, но я девушка экономная, в борьбе с жабой всегда проигрываю.

Прихватила и почти новый костюм для маэстро. Театральный, с кантом на лацканах и рукавах, с кружевным жабо на рубашке. Ушью в дороге, если велик. Не помню, кто из клиентов с Черным магом рассчитался тряпьем, но хотя бы не с мертвеца снят.

Зашла на кухню за провизией в дорогу. Жаль, что вчера я поленилась ужин нормальный приготовить. Но ничего, перебьемся. Круг чесночной колбасы, каравай вчерашнего хлеба и головка сыра – этого хватит на первое время. Крупы, приправы и соль. Походный котелок. Мало ли что, дорога не близкая, вдруг придется в лесу заночевать.

Глаза маэстро, которому на время сборов я доверила самое ценное – охранять папину стеклянную тюрьму, водруженную на стол, – увеличивались в тех же пропорциях, что и моя поклажа.

– Дарочка, а где мы найдем носильщиков среди ночи? И телега сломана, я видел. Да и лошадей у нас нет.

– Учитель, не волнуйтесь, ваше дело нести футляр со скрипкой. Вам руки надо беречь. А с остальным я сама справлюсь. Можем и Ральта навьючить, мы берем его с собой. Во-первых, я не буду переживать, не помрет ли он с голоду. Во-вторых, нам дополнительная охрана в пути.

– Прекрасная мысль. Но… Вы точно справитесь с этой неподъемной горой? – От священного ужаса музыкант икнул.

– Конечно! Это же не скрипка! – я черным восковым мелком нанесла на необъятный баул руны заклинаний и, красуясь, лихо щелкнула пальцами.

Все тщательно сложенные вещи и провизия поднялись в воздух, уменьшились и… с мерзким бульканьем испарились.

Ой.

Меня прошиб пот. Какое счастье, что я не упаковала туда бутыль с папой на донышке!

– Знаете, Дарайна, а в магии вы достигли куда более впечатляющих результатов, чем в музыке, – задумчиво заметил учитель и покрепче прижал к груди футляр со скрипкой.

И как после первой в жизни похвалы маэстро я могла пла-

кать о потере походных вещей?

Никак.

Я гордо вскинула голову и сделала вид, что все идет по плану. Хотя конспектов очень, очень жаль! И платье с туфельками. И куртку крепкую. И круг чесночной колбасы. И тигель. Он мне по наследству от маменьки достался, в нем зелья получались так хорошо, как будто я настоящая ведьма, прошедшая посвящение.

Я сняла с гвоздя котомку, с которой обычно ходила в лес за травами.

– Там был основной груз, я его спрятала, чтобы не вызывать соблазн у воров и разбойников, – пробормотала я, избегая встречаться с маэстро взглядом. – Сейчас соберу еще одну сумку, чтобы всегда была под рукой.

На этот раз я собирала поклажу с особой тщательностью, ведь мне же ее тащить. Мелок, пара свечей, смена исподнего белья. Горстка крупы. Щепотка соли.

И никаких платьев.

Бережно упаковала бутыль. Папа еще спал. Мне он показался еще мельче. А вот демон, укрытый крыльями, как будто подрос. Крылья точно стали больше и странно топорщились. К чему бы это?

Сбегала в огород, сняла с чучела латаные-перелатаные штаны и куртку – даже нищий не позарится! Надела на голову поистрепавшийся селянский колпак. Вид такой, словно я не в столицу собралась, а на паперть милостыню клянчить.

Сходила в папин кабинет, забрала из тайника кошель с мелкими монетами, медяшками и серебрушками, и пояс с вшитыми золотыми. Половину монет из кошеля и часть золота отдала учителю в счет жалованья.

Пока мы собирались, совсем рассвело.

Я сняла с Ральта цепь, прикрепила прогулочную шлейку с множеством амулетов, замаскированных под заклепки, привязала вместо поводка ту самую укрепленную заклинаниями веревку и направилась к воротам.

Стоило распахнуть калитку в воротах, как Ральт – молча и от того особенно жутко – рванул вперед с такой силой, что я едва удержала! Как хорошо, что я повела зомбопса на заклятой веревке, обычный кожаный ремешок он бы порвал в два счета!

На дороге, перегораживая путь, стояла соседка.

Да-да, та самая ведьма-нос-крючком.

– Дарочка, какая неожиданность! – всплеснула она изящными руками, унизанными массивными серебряными перстнями, заодно послав в морду беснующегося пса пучок острых лучей. Они отразились от гладкого, зеркально отполированного перстня с защитной руной. Ральта словно кулаком в нос ударили. Он коротко взвыл и рухнул труп трупом.

И почему всякий раз, когда она жеманно мямлит «Дарочка», мне чудится «у» в первом слоге моего прекрасного имени?

– Ну зачем же вы песика обидели, госпожа Вринда? – уко-

рил музыкант.

– Ах, простите, милый маэстро, инстинкт самосохранения, знаете ли. С ним не поспоришь, – улыбнулась ведьма, продемонстрировав безукоризненно белые зубы с чуть более острыми клычками, чем положено человеку. В роду Вринды явно потоптались блохастые оборотни. Рыжей масти. – А песику вашему давно пора в могилку, бедняге.

Вот гадина!

С другой стороны, часть проблемы решена: Ральт в таком оцепенелом состоянии явно не сможет нас сопровождать в дороге.

– Что вы сделали с моим псом, тетушка Вринда? – Я сердито сверкнула на нее взглядом, не хуже ее зеркального перстня, но, увы, ведьма не повалилась замертво.

Но улыбаться перестала: она ненавидела, когда я обращалась к ней «тетушка», подчеркивая нашу разницу в возрасте.

Вринда обшныряла быстрым вороватым взглядом фасад башни, остановившись на перекошенном и оплавленном витраже. Вопрос про Ральта эта добрая женщина проигнорировала.

– Что у вас тут случилось, деточка? – в отместку соседка подчеркнула мой юный возраст, низведя его до недееспособного. Она заправила за ушко кокетливую огненную кудряшку и сощурила зеленые глаза под неестественно длинными ресницами. – Я проснулась от жуткого грохота! Помощь не нужна?

Врет. Выглядела она так шикарно, словно спать и не ложилась, а наоборот, всю ночь не спала, трудяга – обновляла заклинания красоты и выпрямляла свой крючковатый нос, чтобы он точно в каждую щель пролез.

– Ничего особенного не случилось, – заверила я. – Папа новое заклинание уничтожения нечисти опробовал. Очень впечатляющее и действенное. Новое слово в магии!

– О! Поздравляю! А куда это вы собрались в такую рань? – ведьма заметила мою дорожную сумку на плече. И футляр в руках учителя. – Да еще и вместе с маэстро?

– На пикник, отмечать успех эксперимента, – глазом не моргнула я. Идея попросить соседку о помощи в запирающих заклятиях испарилась. С нее станется запросто эти заклинания потом снять и обшарить каждый уголок покинутого дома!

– А… где Амадей? – И снова ее взгляд остановился на перекошенных створках окна ритуального зала.

– Папа пока очень занят и присоединится к нам позже, – сухим тоном сообщила я, надеясь, что эта заноза отстанет.

Напрасно. Уж за эти годы можно было изучить ее лисьи повадки.

– Так у вас сегодня семейный пикник… – пробормотала ведьма. – Значит, у вас особых планов на этот день нет. Собственно, я навестила дорогих соседей не только из-за подозрительного шума. Хотела позже постучаться, но стечение обстоятельств… Маэстро Дальег, у моей лучшей подруги се-

годня свадьба, а карета с оркестром, который она выписала из столицы, застряла в телепорте и сломалась. И телепорт сломала. Я сразу вспомнила о вашем непревзойденном таланте. Не хотите заработать? Милли щедро заплатит. Очень щедро. Она даже поручила мне выплатить вам аванс. Тысячу гольдов. Еще две вы получите на третий день празднеств.

Ведьма вытащила из кармана запечатанный, туго набитый кожаный кошель с тисненой эмблемой Королевского банка.

Я округлила глаза. Три тысячи золотых монет за три дня? Годовое жалованье учителя?! Ведьма и ее подруга, наверняка тоже ведьма, намеревались унизить черного мага его величества!

– Если, конечно, мэтр Амадей не будет возражать против вашей недолгой отлучки, – ехидно добавила Вринда. – Неделя – самое большее.

– Я подумаю, – с достоинством ответствовал маэстро.

– Соглашайтесь, учитель, – встряла я. – Уверена, папа вас отпустит. Тем более, что вы мне обещали недельные каникулы.

– Я? – удивился маэстро.

– Да-да, вы. Вчера. В качестве поощрения за старание. Помните?

– Что-то припоминаю… – мучительно наморщился старик.

– Вот! Папа согласился, – дожала я. – Но потребуйте с невесты и ее семьи дополнительное условие: еда и ночлег –

за их счет, причем, по гостевому разряду, а не по разряду обслуги. Понимаете?

– Да-да, конечно. Вы слышали, госпожа Вринда?

Ведьма поморщилась, но кивнула:

– Хорошо. Я сообщу подруге. Не думаю, что она откажет. Деваться-то ей некуда. Но отправляйтесь немедленно, я открою вам телепорт в ее имение.

– Сначала договор, – очаровательно улыбнулась я, вцепившись в локоть старика. Ветхая ткань камзола расползлась, и я немедленно отдернула руку. Поздно: на локте засквозили позорные дырки. Пришлось срочно исправлять конфуз. – И включите в условия парадный костюм: фрак, брюки, рубашка, галстук и ботинки. За счет приглашающей стороны, разумеется. Первая скрипка королевства всё-таки, не каждый может похвастаться, что на его свадьбе играл сам знаменитый маэстро Дальег. – Тут ведьму перекосило, и я спешно добавила: – Кстати, соседушка, для вашей будущей свадьбы учитель может сделать значительную скидку. Так ведь, маэстро?

Старик, все еще ошеломленно взирающий на кошель в руке ведьмы, опомнился и с достоинством кивнул:

– Я подумаю. Уверен, решение будет положительным… после соблюдения наших условий и окончательного расчета.

Наш человек! – умилилась я. Ни за что бы не подумала, что этот скряга, похожий на ростовщика, – величайший музыкант за последние лет сто!

– Хорошо, – кисло согласилась Вринда. – Но мне нужно сообщить подруге. Могу я воспользоваться вашим гостеприимством и отправить сообщение через ваш почтовик?

Ей явно не терпелось попасть в башню. Интересно, зачем? Папа в такое время обычно дрыхнет без задних ног. Кстати, в данный момент точно дрыхнет, только башня у него стеклянная.

– Увы, наш почтовик сильно пострадал во время эксперимента, папа как раз занят починкой. Пройдемте к вам, тетушка Вринда. Только, с вашего позволения, я Ральта в будку отнесу, на его рабочее место. Ждите меня здесь. Вы пока можете обговорить детали выступления маэстро. Не больше трех композиций за час, не более трех часов. А то я знаю этих нанимателей, все время норовят заставить немощного старика пахать за гроши круглые сутки!

– Вот-вот, – согласился маэстро и выразительно посмотрел на наш герб, прибитый к воротам.

Вринда аж рот свой ярко-накрашенный открыла, но задохнулась от возмущения. А пока она глотала воздух, я с трудом перетащила обездвиженного пса к будке, привязала веревку к кольцу и влила в труп толику магии. Зомби почему-то не отреагировал.

Вернувшись к воротам, я их прикрыла, но запирать не стала: слишком пристально наблюдала за мной ведьма.

Так, накинула магическую щеколду, чтобы створки ветром не раскачивало и Ральт не выбежал, когда очнется.

Самая обычная, не вызывающая подозрений предосторожность. Щеколду можно снять любому живому существу, но зато ничего нельзя вынести через ворота, даже Ральта, а я буду знать, кто именно прошел.

– Ну, если договор не хотите заключать, то мы пойдем. Нам еще сучья для костерка собрать надо, травок нарвать да чай вскипятить, – поторопила я замершую соседку.

Не будет же она ломиться? Дался ей мой родитель именно в такое неподходящее время!

Та с сожалением посмотрела на закрытый проход и нехотя ответила:

– Ну почему же не хотим? Думаю, моя подруга согласится на твои условия.

– Не мои, а маэстро Дальега, – поправила я. – Тогда давайте дойдем до вашего дома, тетушка Вринда, нам как раз по пути. А там вы свяжетесь с подругой, если, конечно, это не займет много времени. А то папа придет на лужок у пруда, а нас там нет. Нехорошо получится. А ему нельзя волноваться. Некромантам вообще волноваться нельзя, чревато для окружающего мира.

Ведьма кивнула и, недовольно поджав ярко накрашенные губы, торопливо зашагала по брусчатке в сторону своего имения. Мы с маэстро, переглянувшись, последовали за ней.

– Спасибо, Дарочка, – шепнул учитель. – Если все получится, я вас отблагодарю за посредничество.

– Ну что вы, – смутилась я. – Не стоит! Мы и так в долгу

перед вами.

– Кстати, мы могли бы выступить вдвоем и заработать больше, – подмигнул старик. – Кое-какие композиции у вас почти сносно выходят. Особенно народные плясовые, где всего три ноты и никаких бемолей.

Ведьма обладала тонким слухом, вот кому на скрипке надо учиться! Она остановилась, радостно улыбаясь:

– Отличная идея, маэстро! Конечно, где еще Даре практиковаться? Дебют на свадьбе – это прекрасное начало музыкальной карьеры! К тому же, щедро оплачиваемый! Отправляйтесь оба и прямо сейчас, я немедленно напишу подруге, чтобы не возникло никаких сомнений. Она в таком отчаянье, что ухватится за вас как вампир в полнолунье!

Что-то мне эта идея перестала нравиться!

Вринда, оглянувшись по сторонам, сорвала крупный лист подорожника, вытащила из поясной сумочки магическое стило и черкнула несколько слов, осевших на зеленый лист изящной белой вязью. Поставив завитушку подписи, ведьма приложила к листку средний палец, ставя личную печать. Она засияла сизо-болотным цветом, как глаз больного оборотня. Гадость какая.

К счастью, в руки брать послание не пришлось: ведьма вытащила почтовый конверт из той же сумочки, вложила в него подорожник и тем же стилом написала адрес: «Королевство Торин, Провинция Ливерен, город Шельмуд, улица Новознатная, дом 101, баронессе Жамилии Бромс».

Стоило поставить точку, конверт немедленно исчез.

С чего это ведьма так стремится избавиться от нас? – нахмурилась я. Всё подозрительнее и подозрительнее. И самое подозрительное – почему она даже не вспомнила, что папенька разрешения на мою поездку не давал! Да и учителя он не отпускал! А Вринда ведет себя так, как будто мнения черного мага и не требуется!

Да еще и визит этот в такую рань. И Ральта она вырубила, как нарочно! Уж не причастна ли она к взрыву в ритуальной комнате и проклятию, которое почти лишило меня папы, превратив его в букашку? Но как? Неужели проклятие проникло с жабьими бутербродами и солеными поганками? Я как раз только сегодня открыла новую баночку, подаренную рыжей соседкой!

Не успела я задать пару наводящих вопросов, как раздалось мелодичное треньканье, и на ведьму свалился почтовый конверт, слегка стукнув ее по длинному носу.

Вринда вскрыла послание, вытряхнула на ладонь портальный камень, записку на дорогой бумаге с золотыми вензелями и две карточки с сердечками.

– Жамилия согласна на все, но при условии, что маэстро и его ученик явятся немедленно! – радостно воскликнула ведьма, помахав перед нами запиской. – И приглашения прислала. Имена впишете на месте. Вперед, за богатством и славой! Вам будет рукоплескать цвет Шельмудской аристократии!

Не дав нам опомниться, Вринда активировала портальный амулет и внезапно выхватила у маэстро футляр со скрипкой, а у меня – сумку с замотанной в тряпки бутылью. И швырнула их в раскрывающийся лилией портал.

– Моя девочка! – возрыдал старик и ринулся за потерей.

– А-а-а-па! – взвизгнула я, прыгая за сумкой.

Глава 5, в которой Дара попадает в болото и становится свидетелем на самой странной свадьбе

Ненавижу порталы! Ненавижу старых бешеных ведьм! Ненавижу болота!

Ну хорошо, еще не совсем болото, но до зарослей созревшего рогоза с длинными черными головами, который несведущие называют камышом, – рукой подать. И под ногами хлюпает!

Моя сумка с сокровищем зацепилась за длинную ветку сухой березы и раскачивалась над самой трясиной. Не иначе, злобная ведьма специально с портальным выходом промахнулась! Какая может быть на болоте баронская свадьба?

Но где же маэстро Дальег и его скрипка? Неужели утонули? Как же несправедливо!

Я поднялась на ноги и огляделась. Не увидела ни учителя, ни его скрипки. На глаза навернулись слезы. Еще одна потеря! Не слишком ли велико наказание за то, что не слушалась папу и втихаря чертила пентаграммы и вызывала бесенят? Да еще и ведьминскую науку изучала у противной Вринды! А папенька ее терпеть не мог почему-то! Теперь-то я догадываюсь, почему. А если она его каждое раннее утро караулила под воротами?

Ладно, что-то я отвлеклась. Нет, я, конечно, не забывала головой крутить и обходить болотце по кругу. Но маэстро как сквозь землю провалился! Или сквозь воду. И скрипка нигде не плавала.

Короткий взбульк послышался слева, в густых зарослях рогоза. Я поскакала туда как коза, перепрыгивая с кочки на кочку, то и дело соскальзывая в темную болотную воду. По густой траве, конечно, не поскачешь, и я осторожно, проваливаясь по колено, пошла на звук, раздвигая стебли.

Блеснула открытая вода. В оконце посреди болота, прижимая к груди футляр со скрипкой шел по пояс в воде маэстро. И как-то очень странно шел. Я присмотрелась и охнула: учителя несли на руках четыре кикиморы, вертикально, как статую. С его головы свисали водоросли, с кудрявого парика, съехавшего на бок, капала жижа, плечи камзола были украшены ряской и коричнево-желтым пушком болотной травы.

– Благодарю, прекрасные дамы, – церемонно поклонился музыкант, ступив на твердую землю.

Кикиморы захихикали, поправляя кувшинки в зеленых всклоченных прическах.

– Ты обещал нам концерт! – гнусавым простуженным голосом заявила самая уродливая красавица с бородавками.

– Я же сказал, ночью, при луне. При звоне комаров и аккомпанементе лягушек особенно хороша болотная плясовая. Сейчас не могу, у меня контракт с госпожой баронессой, я играю на ее свадьбе.

– Но нам ску-у-учно! – протянула вторая зеленокожая красотка. – Сыграй хоть что-нибудь. Частушечку коротенькую на посошок.

Третья очаровашка, вытащив пиявку из прически, проглотила закуску и прошамкала:

– Да какая там швадьба? Штрекожы натрещали, что не будет никакой швадьбы. Жених-то жбежал! Невешта в бешенстве!

– Но у нас контракт! – растерялся маэстро.

Так-так. Надо брать ситуацию в свои грязные и мокрые, но хваткие ручки.

– Значит так! – уперев руки в бока, заявила я. – Маэстро сейчас не в форме. Видите же, крали болотные.

– Квак? Ничего мы не крали! – возмутилась четвертая милашка с жабьим ртом и мухомором в ухе вместо серьги. – Ни квакрупинки, ни волосинки не тронули. Зачем нам старикан квакой-то, с него ни рыбы, ни икры! Песок один сыплется. И скрипку его не крали, в футляре она! Вон, вцепился, квак утопающий!

– Тихо! – цыкнула я. С нечистью только так. Почуют слабину – накинутся скопом, папе-некроманту и воскрешать будет нечего, чтобы отругать и в угол, запечатанный заклинанием послушания, поставить.

Кикиморы заткнулись, выжидательно лупая глазками. Я глянула на небо, плотно затянутое тучами. Того и гляди, дождь зарядит. Нудный, знаю я такую серую хмарь. Пока тос-

кой не удушит, не отступит.

– Итак, – я скрестила руки и надавила на диафрагму, как оперная дива, чтобы голос стал глубже и солиднее. Зачем-то же дивы проворачивают этот трюк! – Концерт состоится ночью и только при свете луны.

– Дождь будет, какая тебе луна? – буркнула гнусавая.

– Обычная, которая на небе. Должна быть, потому что иначе нот не видно. Понятно?

– Нет, ну да ладно. Надо так надо.

– Не будет луны – не будет концерта. Великий маэстро тут проездом, он вашему болотцу честь оказал одним своим присутствием, а вы еще музыку требуете.

– Так за спасение же! – встряла писклявая. Они тут, похоже, только по очереди говорят.

– Сами затащили, а потом сами же и спасли? – обвиняюще ткнула я в примятые стебли рогоза на противоположной стороне болотца. – Не считается!

– Ты кто такой, шморчок мелкий? – возмутилась шепелявая.

– Я ученик маэстро, помощник и билетер. Потому покупайте билеты на концерт, пока я добрый.

– К-квакие билеты?

– Ах, у вас и билетов нет? Ну, тогда мы пошли!

– Квак? Куда? А благодарношть?

– За утопление? – грозно прищурилась я.

Нечисть не смутилась, закивала мокрой головой:

– И утопление, и шпашение! Нам тут так шкучно!

– И тесно! – запричитали кикиморы. – Нас эта ведьма-баронесса, совсем скоро изведет! Ее брат болота осушает и торф продает, а нам где жить? Мы скоро усохнем, икринками станем, вот как нас жмет!

Вот добрая я. Добрая! Непростительно для некромантки. Непозволительно! Когда-нибудь меня это погубит.

– Ладно, – вздохнула я. – Пока маэстро отдыхает от потрясения, я подумаю, как вам заработать на билеты.

– Квак?

– Подумаю, сказал же!

Главное – не показать нечисти и нежити, что ты нуждаешься в их услугах. Если почуют – не меньше чем душу потребуют. Или желание. Или сожрут с потрохами.

Взяла старика за руку как маленького и отвела на пригорок. Там пособирала веточек и затеплила костерок от банального огнива. Пусть учитель обсохнет. Негоже в таком виде к баронессе идти – гроша ломаного не даст. Хотя известие о сбежавшем женихе смутило.

Устроив маэстро, который первым делом бросился проверять, не пострадала ли его любимая скрипка, я вернулась к ожидавшим кикиморам. Они дремали, положив головы друг другу на плечи. М-да. И впрямь тесно. Что же они не расселятся?

– Придумала, – сказала я. – Тут в округе с топливом плохо, а у вас в болоте сухое дерево. Мне нужны все его ветки

со всеми листьями, гнездами и прочим барахлом.

– Дерево целиком? Ты что, засушить нас кострищем вздумал? – перепугалась нечисть.

– Ладно, мне хватит вон той длинной ветки. Но только чтобы с нее ни веточки не упало, ни сухого листика не сорвалось! Это мое условие.

– Там что-то чужеродное болтается. Мешок какой-то. Тебе это нужно? – догадалась самая вредная.

– Это вам билеты нужны, а нам от вас ничего не нужно. У очага в доме высохнем. А то на свадьбу еще из-за вас опоздаем. Ну или на похороны, если невеста жениха догнала. Ну, мы пошли. Маэстро, пора!

– Ладно, ладно, будет тебе ветка! – всполошились красотки.

Одна из них, похожая на жабу, выползла на дерево, змеей обвиваясь вокруг ствола. Вторая ее поддерживала, третья нарезала круги, следя, чтобы с моей ветки ни сучка не упало, ни тем более мешка. Первая кикимора добралась до ветки и перегрызла ее огромными зубищами, частыми и острыми, как пила. Мешок упал прямо в руки четвертой, она подплыла и вручила мне, пока остальные тащили над головами ветку, стараясь не намочить.

Я брала осторожно, чтобы нечисть не схватила и не утащила в болото. Но обошлось. На что только не пойдут скучающие девушки, чтобы развлечься! Даже едой жертвуют!

Ветку тоже забрала. Длинная, но легкая, пригодится для

посоха. Или для дубины.

Развязала мешок, положила на ближайшую кочку подношение – старый собачий ошейник. И поклонилась.

– Благодарю, прекрасные дамы. Вот вам билетик. Покажете, когда мы сюда ночью придем.

– Фу, мертвой псиной воняет! – принюхалась нечисть.

– Ну так я же не есть вам его предлагаю. А сохранить до ночного мероприятия. Если луна выйдет. А нет, так до следующего раза. До свиданьица!

Я взвалила мешок на плечо, загасила костерок. Но маэстро, уже пришедший в себя, внезапно вставил веское учительское слово:

– Подождите, Дар… Кхм… Ученик, ничего же не случится, если мы потратим пору минут, чтобы усладить слух столь возвышенных особ, стремящихся к прекрасному. Один этюд я сыграю.

И сыграл простенькую, но задорную деревенскую плясовую с той же виртуозностью, как перед королевскими особами. И поклонился:

– Благодарю за спасение.

– Эх, старик, почему ты не упал в наше болото молодым? – прослезились кикиморы на прощанье. Нечисть, как есть нечисть неблагодарная!

– Кхм… Так где, вы говорите, тропа к усадьбе баронессы?

– Тамочки, – махнули четыре кикиморы на все четыре стороны.

***

Пришлось идти туда, куда показывала ведьминская интуиция. Главное – отличать ее от некромантской! У первой нюх на приятности и выгоду, а у второй – на неприятности и потустороннюю силу. Беда в том, что я их постоянно путала!

Без меня бы учитель точно пропал! Это мы, провинциальные ведьмы с некромантским уклоном, привычные по лесам и болотам ползать. А великим скрипачам тонкие музыкальные пальцы беречь надо и в облаках витать – только успевай ловить, чтобы носы не расквасили. И грабли не переломали. То есть, свои рабочие инструменты. Я не скрипку имею в виду. Скрипка без пальцев и души музыканта – кусок сухого мертвого дерева, только на растопку и годится.

Кстати, неплохо бы. Потому что сухая ветка с болота на проверку оказалась гнилой. Ни опереться, как на посох, ни костер разжечь. Я ее выбросила, как только тычины рогоза скрылись с глаз.

– И куда теперь, Дарочка?

– Маэстро, какая Дарочка? – строго спросила я, поправив картуз и поддернув намокшие в болоте и сползшие штаны. – Вы нас спалите! Я Дар! Обращайтесь ко мне только так.

– Спалю? – изумился старик.

– Забудьте. Это я по-ведьмински выразилась. Мы, ведьмы, сразу суть явлений схватываем. Вот из-за таких оплошностей, как ваша, нас на кострах и жгут в дикарских странах.

– Как скажешь. Я думал, ты некромантией увлекаешься, а не ведьмовством. Но помилуй, дорога… дорогой ученик, у меня язык не поворачивается называть тебя именем Дар, противоположным твоим талантам. Ну вот хотя бы Дарик? Очень мило.

Ужас. Но лучше так, чем палить первым встречным кикиморам мое инкогнито.

За разговором мы уже далеко ушли от места падения, поднялись на пригорок и осмотрелись.

Солнце в этих местах уже поднялось высоко, и на свадьбу мы явно опаздывали. Неужели ведьма при расчете портала не приняла во внимание разницу во времени? Полноте, а договаривалась ли она вообще с какой-то подругой? И с каких пор у нашей захолустной карги баронессы в приятельницах? Может, просто решила от нас бескровно избавиться? Хорошо, что папа со мной!

Я развязала мешок, убедилась, что рыбки в аквариуме живы, ничего не переломали во время броска и перехода через портал, их прозрачный кокон-поплавок тоже не пострадал.

А это что такое? Я прищурилась. Применила заклинание увеличения, изобретенное мной для шпаргалок еще на экзаменах в академию. И ахнула!

Папа был занят обедом: резал хлеб и мясо, разложив их на каком-то приспособлении, похожем на «Книгу заклинаний» в миниатюре. Где они в замкнутом пространстве добыли продукты, интересно?

А вокруг демона были разложены мои вещи из исчезнувшего походного мешка. Крохотные, но мои! Платье для несостоявшего первого бала я сразу узнала! И мою секретную тетрадь, которую демоняка с увлечением перелистывал, непонимающе морщась! Хорошо, что я, таясь от папеньки, писала шифром! Вообще, если подумать, то в мире много хорошего. Вот и мешок пропавший нашелся. Но как он туда попал?

На меня оба собутыльника (в полном смысле этого слова!) не обращали никакого внимания, словно я стала невидимой. Странно. Я завернула бутыль в мягкую ткань и заметила, что горлышко немедленно осветилось: кто-то из пленников зажег магическую свечу. Значит, перемены в освещении они заметили, а меня нет? Почему они меня игнорируют? Даже обидно!

Запаковав сокровище, я достала несколько сухариков и предложила учителю. Увы, с провизией у нас было туго. Хорошо, что у нас хотя бы деньги есть… И эта мысль опять вернула меня к подозрительной сделке с Вриндой.

– Учитель, а можно взглянуть на ваш аванс попристальнее?

– Мне не жалко, Дароч… Дарик, но зачем?

– Вы же выдадите мне пару монет на хозяйственные расходы? – тоном ангела поинтересовалась я.

Маэстро укоризненно посмотрел в мои честные очи, выдержал театральную паузу, трагически вздохнул, но я и ухом

не повела и наглым глазом не моргнула. Да помню я, помню папины долги!

Поняв, что из общей лодки посреди бури не выпрыгнешь, Дальег вынул кошель, едва не утянувший его в болото, и положил мне в протянутую ладонь. Тяжеленький, – прикинула я. Но не настолько, сколько должна весить тысяча гольдов.

Сломав печать, я вытряхнула на ладонь несколько монет.

Так и знала! Эта тварь подсунула нам медяки! А медь более чем в два раза легче золота. Если бы я сразу проверила кошель, то мы бы не стояли сейчас мокрые, грязные и голодные посреди леса непонятно в каком государстве нашего коварного мира!

– Ох, ну и дела! – расстроился учитель. – Как ты догадалась об обмане?

– Догадал-ся, – поправила я. – Привыкайте видеть во мне мальчика. Это может спасти нам жизни. Что касается Вринды, то мне надо срочно пересмотреть все заклинания, которым она меня научила. Похоже, соседка задалась целью сжить меня со свету. И ее подруге-баронессе тоже нельзя доверять. И эти деньги нельзя тратить. Подозреваю, они проклятые!

Я плотно завязала кошель и, размахнувшись, бросила в густые кусты терновника с огромными и густыми колючками. Костюм у маэстро один, да и тот ветхий, музыкант точно постесняется остаться голым и не полезет за деньгами.

– Как? За что? Это мои последние деньги! – всплеснул

руками учитель и едва не выронил драгоценный футляр.

– Полагаю, Вринда мстит папе за то, что он ее отверг, а с демоницами шашни крутит. Мы, ведьмы, любим мстить с размахом.

Маэстро перевел взгляд с терновника на дорожную сумку со спрятанной бутылью.

– Думаешь, это она сотворила такое с моим нанимателем и должником?

Я кивнула и мрачно дополнила:

– Причем, моими руками. Сейчас уже не доказать, но я уверена, что проклятье было спрятано в жабьей икре и огурчиках. Вринда прекрасно знала, какую закуску предпочитает папа, а какую – его потусторонние гости. Точнее, гостьи. Это я, дура малолетняя, вечно ей в передник плакалась, жаловалась на демониц.

Маэстро задумчиво покивал и протянул мне один сухарик.

– Вот, поешь.

Перекусив сухарями и запив их водой из лесного ручья, мы отправились дальше куда глаза глядят.

С пригорка я заметила вдалеке светлые верхушки березовой рощи. Там можно и берестяной туесок сделать, и подберезовиков собрать на опушке. А еще все березовые рощи священны, и там наверняка появится тропа, которая выведет нас к людям.

Так и получилось.

С той разницей, что это люди вышли к нам.

***

Сначала мы услышали резкие крики, как при облаве на волков:

– Справа, справа заходи! Вона туда убег!

– Осторожно, это тот еще волчара!

– А прыткий, как заяц!

– Кобель он, а не заяц!

Мы с маэстро переглянулись. Кричали далеко, еще можно уйти в сторону или вообще к кикиморам под крылышко, в смысле под лапки перепончатые. Но вдруг волки даже нечисти не боятся?

Дальег задумчиво качнул футляр с инструментом.

– Как бы не пострадала моя драгоценная…

– Тише! – зашипела я. – Не дай Пентакль, вас услышит кто-нибудь, подумают невесть что! Ограбят, пикнуть не успеем!

Учитель испуганно прижал к себе сокровище и заозирался по сторонам. Смешной. Волк, конечно, страшный зверь, но грызть будет не скрипку. Зато я знаю, чем отпугнуть зверье, а вот людей…

Как любой некромант, я тайно поклялась на книге заклинаний не применять их силу во вред живым ради спокойствия мертвых, если только не для спасения собственной жизни. И поди, объясни (кому, кстати?), что от целостности

инструмента зависит жизнь скрипача и его ученицы. Становиться клятвопреступницей не хотелось, следовательно…

– Положите футляр, учитель, и помогите мне собрать хворост, быстрее.

Сухие ветки валялись на земле в изобилии. Мы за минуту набрали целую охапку. Я обложила футляр ветками со всех сторон и обвязала веревкой – замаскировала под вязанку хвороста. Теперь ни один лесной разбойник не позарится, особенно, если присовокупить к охапке наш замызганный после портала, болота и объятий кикимор вид. Что с таких взять?

– И куда мы теперь, учени… ик? – икнул маэстро. Как же легко напугать беззащитную старость!

– Вперед, к роще. Не будут же нас грабить под священными кронами!

Мы двинулись по направлению к березкам. Облава, видимо, бегала кругами вокруг рощи: звуки то приближались, то удалялись. Волк попался не дурак, выматывал погоню.

Или знал, что проливать кровь рядом с местом светлой силы людишки не рискнут. Кровавые жертвы приносятся только темным богам и в темных местах вроде векового ельника, а еще лучше – в подземном храме или пещере. Ну, это к слову. Один раз только и попробовала черную курицу пожертвовать, мне не понравился результат: год не могла даже куриный бульон приготовить, всё призрак той курицы в каждую кастрюлю гадил. Что я сделала не так, если инструкция

Вринды была подробней некуда?

Вместо волка на нас выскочил из кустов орешника какой-то взлохмаченный парень в рванье! Зыркнул голубым глазом и, пробормотав: «Простите-помогите, люди добрые, убивают!», сдернул с меня картуз одной рукой и напялил на себя, прикрыв белокурые лохмы.

А пока я, онемев от возмущения, хватала ртом воздух и искала в памяти подходящее проклятие не из маминой книги заклинаний, а из арсенала Вринды хотя бы, грабитель со словами «Я помогу, дедушка!» вырвал вязанку из рук маэстро, взвалил себе на спину и сгорбился в три погибели, словно его радикулит разбил! Даже лица негодяя не успела толком разглядеть! Вот кто бы знал, что местные грабители даже хворостом не гнушаются?

К счастью, разбойник остался стоять на месте, а не попытался удрать с драгоценной скрипкой, спрятанной в охапке веток. Но отобрать краденое я не успела: на нас, огибая кусты по дуге, выбежали два человека весьма свирепого вида, даром что в нарядной атласной одежде с золотой вышивкой и кружевами. Странно они вырядились для охоты на волков! Кружева уже изрядно поистрепались.

Один незнакомец был оснащен сетью, второй – магической пищалью и кучей подвесок с амулетами на ленте с гнездами, перекинутой через грудь. Очень удобное приспособление, – оценила я. Надо будет с зельями такую штуку придумать, чтобы под рукой были.

– Где он? – проорал боевой маг.

– Куда побежал? – потряс сетью его товарищ.

– Кто? Волк? – хором спросили мы с учителем и как кикиморы показали в разные стороны.

– Какой волк? Человек! – раздраженно рявкнул охотник с сетью. – А вы кто такие? Кто позволил вам тут хворост собирать?

Маэстро наверняка за скрипку перепугался, а я терпеть ненавижу, когда на людей с сетью охотятся! Не звери, чай. Человеческое достоинство должно быть уважено даже при ловле преступника, иначе кто ты, как не упырь под видом человека?

– Баронесса отправила нас с дедом и дядькой веток для тигля набрать! – уверенно заявила я, незаметно ткнув учителя в бок, чтобы молчал.

– Потом разберешься с воришками, весь лес не утащат, – одернул охотника маг с амулетами. – Так вы видели тут белокурого парня с голубыми глазами? Прикидывается бродягой.

– Ага! Вон туда он побег. Кстати, он хромал, вы быстро нагоните! – Спохватившись, я повернула указующий перст в ту же сторону, куда показывал маэстро, на болото с кикиморами.

– Ах ты, гад! К нечисти побежал, тьфу! – сплюнул маг. – А если помощь у них успеет купить? Кикиморы только рады будут насолить баронессе!

– Быстрее, успеем перехватить! – скомандовал охотник с сетью. – Зря я этим тварям кусок болота оставил, пожалел гадин. Надо было подчистую всю округу осушить!

Последние слова доносились уже издалека.

Мы с маэстро снова переглянулись и дружно кивнули, дав друг другу понять, что оба догадались, с кем только что столкнулись: с братом нашей будущей работодательницы. Как хорошо, что мы успели скрипку спрятать! Может, у меня проклюнулся дар предвидения?

Едва эти неприятные типы скрылись и затих вдалеке треск веток под их ногами, ограбивший нас парень выдохнул:

– Спасибо, добрые люди, что не выдали! Я ваш должник!

Он выпрямился, сдернул с головы мой картуз, сунул мне в руки, и я наконец разглядела его лицо. Слишком слащавое, с капризными складками у губ, большими и наглыми голубыми глазами и длинным породистым носом. Светлые кудряшки обрамляли покатый лоб и розовые щеки. Ангелочек великовозрастный. Даже странно, что такой смазливый тип с аристократическим лоском на морде одет в какие-то обноски.

Я напялила головной убор и потребовала:

– Поклажу верни!

Он недоуменно моргнул, через миг сообразил и бесцеремонно скинул с плеч вязанку хвороста. Учитель с перепугу схватился за сердце и простонал:

– Осторожнее, юноша! Аккуратнее! Здесь, можно сказать, моя душа, а вы с ней этак небрежно!

– Извините, не знал, – поклонился незнакомец. – Насчет души вы серьезно?

Маэстро, судя по блеску глаз, только приготовился пуститься в пояснения, как я пресекла это безобразие на корню, наступив учителю на ногу будто бы случайно. Старик ойкнул и откровенничать передумал.

– Несерьезно, конечно, – ответила я за него. – Ты, мил человек, ступай, куда шел. А нам некогда лясы точить. Нам еще валежник продать надо! А то хозяин этого леса того и гляди вернется и отберет. Пошли мы. Прощевай.

– Постойте. Вы собираетесь продать эти сухие ветки баронессе?

Как странно он валежник называет. Хотя и не поспоришь по существу…

– Неважно, – буркнула я и потянула скрипача за руку.

– Да подожди же, девочка.

Я встала как вкопанная, вне себя от изумления и раздражения. Как он узнал?

– Ну… или мальчик? – Беглец что-то такое прочитал в моем лице и решил не ссориться. – Извини, если ошибся. У тебя волосы до плеч, длинноваты для мальчика, вот я и подумал…

– Не твое дело! Может, я дал обет не стричься, пока не дойду до цели! – сверкнула я глазами.

– О! Так ты издалека? Не местный?

– Тебе-то что? Кстати, твои преследователи возвращаются.

Парень испуганно оглянулся, но в лесу было тихо, и он сразу просек, что я соврала. Кстати, что-то слишком тихо, даже птицы примолкли.

– Ладно, – пробормотал незнакомец. – Понял. Не буду вас задерживать. Но скажи, ты имеешь в виду баронессу Бромс? Вы к ней идете?

– Именно. К леди Жамилии Бромс, – уточнила я, а то мало ли сколько их там, сестер, у брата-осушителя болот. И зачем-то добавила мстительно: – К застолью торопимся свадебному, кушать очень хочется!

– Тогда в качестве благодарности примите совет: подождите с вашим делом. К Бромсам сейчас лучше на глаза не показываться, баронесса очень зла.

Ха! Напугал некромантку злой ведьмой! Кстати, еще неизвестно, что хуже: злая ведьма или добрая. Добрые обычно стараются облагодетельствовать весь мир, а если кто не захочет такого добра, то свяжут и силой заставят проглотить.

– С чего бы ей быть злой? У нее же свадьба!

– Свадьбы не будет. Ее жених пропал.

Эх, значит, кикиморы не соврали. Жаль. Теперь нас точно не наймут.

– Сбежал в такой день? – усмехнулась я и прищурилась: уж не беглого ли жениха ловили те двое с сетью и амулетами?

Уж не этого ли подлого человека мы видим сейчас перед собой? Парень отвел глаза, подтверждая догадку. Может, нас с маэстро хотя бы на похороны позовут, если жениха поймают? Отличная же идея. Во мне взыграла женско-ведьминская солидарность. Я мило улыбнулась: – А за что так? Невеста вдруг стала не хороша?

– Я ее в глаза не видел, не могу сказать, хороша она или нет.

– Ну, пожрать-то нам точно дадут. Готовились же к застолью. Куда теперь столько жратвы денут? Вот нас, бродяг, и накормят, – размечталась я. – Идем с нами!

Парень попятился, отрицательно мотнул головой. Ага! Подтверждение номер два!

Мечтам о похоронах помешал дикий крик со стороны болотца:

– Спасите! Помогите! Аааа!

И странный звук пронесся по местности, как будто надулся и лопнул огромный пузырь.

Мы с учителем, не сговариваясь, помчались к знакомым кикиморам – выяснять, не обидел ли кто милых дам. Точнее, поплелись. Попробуй-ка бежать по лесу с вязанкой на плечах!

Выскочили к болотцу и обомлели: среди зарослей рогоза развернулась целая битва, жаль, мы не успели увидеть! Зато результат впечатлял.

Охотник-осушитель был замотан собственной сетью с го-

ловы до ног. Сверток был подвешен на толстый сук и раскачивался двумя кикиморами с таким расчетом, чтобы брат баронессы то головой погружался в тину, то голыми ногами. Ботфорты и портянки уже стащила с него жадная жижа и заглотила.

Кричал точно не он. Несчастный просто не успевал откашляться между погружениями. Кикиморы хихикали и, раскачивая жертву, бормотали считалку:

– Раз-два-три-четыре-пять, милый женится опять! Кто невеста, посчитай, да и свадебку сыграй! Аль не хочешь, нехороший? Получай тогда по роже!

Шлеп. Бульк.

– Да вы же его утопите! – не выдержала я.

– А и поделом! Неча наши болота шушить, наш ижводить! – прошамкала красотка болотная.

– А где второй? – я огляделась. Мужика с амулетами нигде не было видно. И если я что-нибудь понимаю в магии, то звук, похожий на пук великана, мог издать лопнувший магический щит.

– А вона! – показала вторая кикимора.

Пришлось обойти болотце, чтобы увидеть дерево, на которое показывала нечисть, с другой стороны.

Маг, сидевший в болоте по грудь, был привязан к сухому стволу собственными амулетами, свитыми в прочный жгут. Причем, за шею. Руки, наверное, тоже были связаны, судя по покорности, с которой незадачливый охотник на беглых же-

нихов, взирал на третью кикимору. Та полулежала на кочке в изысканной позе соблазнительницы, вылавливала пиявок и подносила к губам пленника:

– А вот смотри квакая жирненькая и квакусненькая пияквочка. Квакушай, милый, нам для тебя ничего не жалко! Мы, квакиморы болотные, славимся гостеприимностью!

– Я не голоден! – чревовещательски, стараясь не размыкать губ, мычал несчастный.

– Попробуй, хороший мой, – в унисон гнусавила четвертая нечисть, наматывая круги в жиже вокруг ствола. – А может, лягушечку? Нежненькую, молоденькую, м? Деликатес! Заодно оценишь закусочку для свадебного стола.

– Не хочу!

– А гадюку, фаршированную мухоморами? Выбирай, или женишься на одной из нас, или наши зверушки болотные тебя попробуют, раз ты их не хочешь пробовать. Пиявочки, подруженьки, фас!

Пиявка повисла на носу пленника. Маг содрогнулся, задергался всем телом.

– Помогите! Аааа! Спасите!

О, вот этот вопль мы и слышали.

– Эй, отпустите его! – не вынесла душа некромантки.

– Ни за что! – хором ответили кикиморы и захихикали.

Но смеялись они недолго. Черная тень накрыла солнце, почти достигшее зенита, оставив только багрово-алый ореол вокруг диска, и воцарилась мгла. Зловещая, тяжелая, словно

могильная плита. Даже дышать стало трудно, а сердце сжалось от странной, неземной тоски. Нечисть прислушалась, подняв головы, охнула хором:

– Кто тут?

Где-то глухо ухнул филин, как будто приветствуя нежданное наступление ночи.

– Что это? – прохрипел маг.

– Солнечное затмение, – пояснила я.

– Спасите! – прохрипел его товарищ, которого две кикиморы перестали раскачивать и дали бедняге отдышаться.

По протоптанной нами тропинке к болоту, раздвигая поломанные стебли рогоза, вышел наш белобрысый знакомый незнакомец. На этот раз он не прятал шевелюру и не горбился.

– Отпустите пленников, уважаемые, – вежливо попросил он, но так глянул, что даже меня мороз по коже пробрал.

Кикиморы, к моему изумлению, и не пикнули. Тут же кинулись развязывать пойманных, даже мокрые штаны им отряхнули, отбуксировали на бережок к ногам незнакомца и даже волосы беднягам пригладили. Рядом легли сеть и пищаль, из дула которой выпрыгнул лягушонок и ускакал обратно в болото. Незадачливые охотники в полуобморочном состоянии побарахтались, но на четвереньки встать не смогли, так и повалились друг на друга.

– Что тут происходит? – поднял бровь незнакомец.

– Месть! – пискнула зеленокожая кикиморочка, самая мо-

лоденькая и симпатичная и, ойкнув, спряталась за спину подруги.

– Квадьба! – дрожащим голосом квакнула та.

– Что, не понял? – вверх дернулась вторая бровь.

– Швадьба! – пояснила старшая кикимора, самая страшная и морщинистая. – Мы выполнили ушловие, и эти двое обяжаны выполнить обещщание!

– И что за условие? – ровным тоном, явно не одобряющим происходящее, поинтересовался белобрысый.

– Показать, где сейчас беглый жених, которого они ловят, – прогнусавила четвертая кикимора. А в обмен на услугу они обещали жениться на двоих из нас. Магией поклялись и кровью! Мы и показали, но им не понравилось, хотели сбежать.

– Эти твари нас обманули! Показали городок и порт на острове Чеврабин, – подал голос маг. Слабый, дрожащий от негодования. – Я узнал витраж местной церкви, лично ставил на него магическую защиту. А отсюда до острова несколько сот миль!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.